

842.632.1)

Б386

БРОНТОЙ БЕДЮРОВ



ЯЗЫЧЕСКИЙ  
КОВЧЕГ







БРОНТОЙ БЕДЮРОВ  
ЯЗЫЧЕСКИЙ  
КОВЧЕГ



*Стихи*

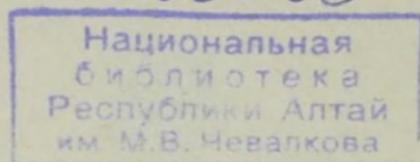
ПЕРЕВОД С АЛТАЙСКОГО

Современник  
Москва  
1984

С(Сиб)  
Б38

Рецензент В. Бояринов

566563



**Бедюров Б. Я.**

Б 38 Языческий ковчег: Стихи /Пер. с ал-  
тайс. — М.: Современник, 1984. — 175 с;  
ил.

В пер.: 75 коп.

Творчество Бронтоя Бедюрова привлекает коренными связями с фольклором и эпосом Алтая. Немало пишет автор об истории своего народа — он стремится связать прошлое и настоящее. В книгу вошли лучшие стихи поэта, написанные в разные годы.

Б 4702070000 — 314 274 — 84  
M106(03) — 84

ББК С Алт7  
С(Сиб)

12.01.2006

© Издательство «Современник», 1984, состав, оформление.

5-ББ9-ЯК



\* \* \*

*Как вечный странник,  
Я несу по жизни  
Сквозь разные народы и века  
Огонь души —  
Любовь к своей отчизне.  
Таков удел поэта-ходока.*

*Как вечный странник,  
Верю я в дорогу.  
И для меня судьбы желанней нет,  
Чем, путь верша к далекому итогу,  
Нести в своей душе тот ясный свет.*





# МОСКВА ВСЕЛЕНСКАЯ

## ХОЧЕШЬ УВИДЕТЬ МОСКВУ?

Г Любили дурни в нашем детстве шутку:  
«Эй, малый, показать тебе Москву?»  
И за уши под эту прибаутку  
Нас возносили в неба синеву.

И в воздухе болтались наши ноги,  
Трещали уши и кривился рот.  
А увальни, веселые, как боги,  
Хвалили: «Этот — крепкий, не орет!»

Кто испытал, отнекивался тихо,  
Мол, нет, спасибо, видел, не хочу.  
Отчаянные шли на «подвиг» лихо:  
«Москву увидеть? Это по плечу!»

И я прошел сквозь это испытанье,  
Давясь слезами, все-таки молчал.  
Лишь встав на землю, я свое желанье  
В лицо подросткам громко прокричал:

«Увидите, во что бы то ни стало  
В Москве я буду — слово вам даю!»  
...С далекой той поры прошло немало,  
И я осуществил мечту свою.

И в новых испытаньях и невзгодах  
Я гнать старался слабину взащей.  
Но вспоминая о далеких годах —  
Вознесся ль выше собственных ушей?

Увидел ли невидимое взору?  
Услышал ли немолчный ход времен?  
И, прочитав томов ученых гору,  
Неужто стал я наконец умен?

А если бы с улыбкой, как невежде,  
Сказал бы мне какой-нибудь мудрец:  
«Не хочется ли ввысь взлететь, как прежде,  
И мир познать, мечтательный юнец?»

Набычился бы я, сжимая зубы,  
И, храбрости набравшись, как тогда,  
Ответил бы решительно и грубо:  
«Хочу, мудрец, хочу, конечно, да!»

## ПЕСНЬ РАССВЕТА

Лучшие мысли  
Приходят всегда на рассвете,  
Душу и ум озаряя,  
Как утренний луч.  
Судьбы людей и народов  
На спящей планете  
Вдруг постигаешь,  
Как видишь звезду среди туч.

Чутким становится слух,  
И доступными — речи,

Разом объемлешь ты их  
На любых языках.  
Знание бременем  
Больше не давит на плечи.  
Тайны вселенной  
Ты выразить сможешь в стихах.

Знай, что всемогущ поэт  
В предзвездную пору.  
Так торопись же  
Отбросить всю мелочь и вздор.  
Повелевай неуклонно  
И слуху и взору  
Радость и свет  
Различать за вершинами гор.

## ВСТРЕЧА

Летят-спешат по улице столичной  
Машинок фырчащих шумные стада...  
Откуда же, к асфальтам непривычный,  
Зеленый «газик» вдруг попал сюда?

Не потому ли защемило сердце  
И вспомнилась родная сторона,  
Что «газика» обшарпанная дверца  
Напомнила иные времена?

И в памяти всплыла поездка наша  
В село, что примостилось выше туч,  
И верный друг, шофер Саймунов Саша,  
Веселый покоритель горных круч.

Я вспомнил, как стоял, стихи читая  
Для земляков на звучном языке..  
А «газик», что напомнил об Алтае,  
Давно уплыл по улице-реке.

## СОЛЕННЫЙ ЧАЙ

Ну, вот и день долой!  
Вернувшись в общежитие,  
Приводишь в божий вид  
И чувств и мыслей ком.

Пожалуй, не успеть  
В столовку до закрытья!  
Заварим крепкий чай  
С соленым молоком.

Но чай тогда хорош,  
Когда с тобою рядом  
Из жаждущих друзей  
Вдруг кто-нибудь возник.

А-а, вот сосед-калмык,  
Сокурсник с умным взглядом,  
Его и пригласим  
На комнатный пикник.

Ей-богу, хорошо  
В компании соседа  
Вести неспешный спор  
О глубине веков.

Давно уж выпит чай.  
А плавная беседа  
Срывается на крик —  
У нас с ним нрав таков!

Мы спорим о делах  
Давным-давно минувших.  
Вздывать нам не впервой  
Столетий древних пыль.

Идем мы вновь в поход  
По морю и по суше,  
Решая сгоряча,  
Где сказка, а где—быль.

Затем — в который раз! —  
Готовит нам открытье  
Наш просвещенный ум  
Почти что невзначай:

Наспорились-то влать,  
Но главное событие —  
Не бесконечный спор,  
А наш соленый чай!

## ЛИЦА ЖЕНЩИН

Когда в толпе мелькнет на краткий миг  
Спешащей женщины прекрасный лик,  
Я чувствую, как обдаёт меня  
Волною светозарного огня.  
Нет, наша жизнь — не просто суета,  
Покуда существует красота.

Такие лица — словно зеркала,  
Что отражают души, не тела.  
Заглянешь — станет холодно в груди:  
Почувствуешь, что будет впереди,  
Увидишь, быть чему. Или не быть.  
Что надо помнить, а о чем — забыть.

Но если злые мы творим дела,  
Померкнут разом эти зеркала.  
В толпе их нам вовек не увидеть,  
Ведь красота дана, как благодать...  
Глядеться в лица женщин не спеши —  
В них отражение твоей души...

\* \* \*

И все-таки в жизни печаль  
Берет за рукав нас без спросу.  
Где та, что в любую бы даль  
Со мною пошла без расспросов?  
Нет дома, семьи, очага,  
И жизнь словно сеть без улова,  
И все замечает пурга —  
Вовек не воротишь былого...

И все-таки жизнь хороша!  
Есть друг — значит, встретимся скоро.  
Есть родина — значит, душа  
Потянет домой без укора.  
Есть старая мать — значит, вновь  
Вернется на миг наше детство.  
Есть сердце — и, значит, любовь  
Витает с тобой по соседству.



*Кайсыну Кулиеву*

Разрывается сердце поэта,  
Не вместивши огромную жизнь, —  
Обжигает нас вспышкой света,  
И тогда мы молчим среди тризн.

А иные не слышат разрывов  
Даже почек весенних в ночи.  
Коль родился со слухом фальшивым,  
Не помогут тебе и врачи.

Задыхаясь от плача и смеха,  
Для тебя пишет ночью поэт.  
Отзовется ли тихое эхо  
В сердце спящего? Жаль, если нет.

## ДОРОГИ НАШЕЙ МАТЕРИ

По комнате сосед  
Нам задает обед:  
Его проведать приезжала мать.

Моей же никогда  
Не выбраться сюда,  
Но я-то жду, хотя не стоит ждать.

Еще с военных лет  
Ей передыху нет:  
Работа, дом — спины не разогнуть.

Коль полон рот забот  
И дел невпроворот,  
И до райцентра позабудешь путь.

Дела, дела, дела.. |  
Глядишь, а жизнь прошла.  
Зато взрастила восьмерых детей.

А выйдет за порог,  
Посмотрит в даль дорог,  
Нет-нет да и вздохнет, что нет вестей.

Хотя ей не пройти  
Сынов своих пути,  
Куда бы нас дороги ни вели,

Пусть радость и беда,  
А с нами мать всегда, —  
В столицах мы иль на краю земли.

\* \* \*

«Эх, наша жизнь!  
Эх вы, ребята,  
Алтая добрые сыны!..»

Так Эр-Сулук  
Вздыхал когда-то,  
Как виноватый без вины.

И вот теперь,  
Когда я снова  
О дальнем детстве вижу сны,

Я повторяю  
Слово в слово:  
«Алтая добрые сыны!..»

\* \* \*

Душе моей — уже который год —  
Не свойственны наивные порывы.  
И снов далеких светлый хоровод  
В ней не теснится роем торопливым.

Глазам моим без лжи и без прикрас  
Увидеть мир я повелел сурово.  
И перебрал — уже в который раз —  
Холодным утром речь свою до слова.

Свершались чередую, не спеша,  
Далеких лет порывистые клятвы...  
Тогда и поняла моя душа,  
Что мужество пришло, как время жатвы.

## ОДУВАНЧИК

*Ал. Ередееву<sup>1</sup>*

«Икарус» мчится в город Арзамас...  
Но вот дорога утомила нас.  
А если даже кто-то не устал,  
То и его обрадовал привал.  
Я первым дверь тяжелую толкнул  
И на шоссе горячее шагнул.  
Вдруг одуванчик — как неожиданный дар —  
Качнул в поклоне свой пушистый шар.

---

<sup>1</sup> Ал. Ередеев — алтайский писатель, автор рассказов о забавном парашютисте-одуванчике.

Привет, дружок из племени тодош<sup>1</sup>,  
Давно ли в этом ты краю живешь?  
На языке родном ведем мы речь.  
Что может быть счастливей этих встреч!  
Сорву цветок, чтоб на него подуть, —  
Тогда и дальше будет добрым путь.

\* \* \*

Три стремительные тени,  
Прочертив со свистом высь,  
В голубой небесной сени  
Надо мною пронеслись.

Как прочесть мне эти строчки —  
Крыльев быстрых письма?  
Превратились птицы в точки.  
Надо мною тишина.

Если б раньше спохватиться!  
Наяву, а не во сне  
Предсказать хотели птицы,  
Сообщить о чем-то мне.

Журавли — примета встречи.  
Гуси дикие — печаль.  
Воронье — пустые речи.  
Лебеди — разлуки даль.

К перемене мест синицы...  
А неузнанные птицы?

---

<sup>1</sup> Ал. Ередеев и автор этой книги ← оба из рода тодош.  
(Прим. авт.)

\* \* \*

И брат меньшей — теперь уж не юнец:  
Отцом счастливым стал он наконец.

И первенице имя дали в честь  
Моей дочурки. Радостная весть.

Наедине я в доме с тишиной.  
Моей дочурки милой нет со мной.

\* \* \*

Дожди нечасты в нынешнем апреле.  
И птицы раньше о тепле запели;  
Поселок дачный среди зеленых сосен  
Забыл о том, что есть зима и осень.  
Я снова здесь — вдыхаю воздух чистый,  
Ловлю лицом светила взгляд лучистый,  
И мне легко: я счастлив, молод снова,  
Во мне живет невысказанным слово,  
Перо мое пока не знает дрожи,  
И я пишу, сумняшеся ничтоже...

## МАЙСКАЯ ГРОЗА

Привет тебе, гроза,  
Весенний шумный праздник!  
Осенний урожай  
Немыслим без тебя.

Пусть землю напоит  
Веселый дождь-проказник,  
Низвергнувшись с небес  
И целый мир любя.

И вам привет, друзья  
По песне и по жизни!  
Хочу поздравить вас  
С весеннею грозой.

Она прибавит сил,  
Послужим мы отчизне,  
В грядущее стремясь  
Намеченной стезей.

Пускай грохочет гром  
И громоздятся тучи  
И грохотов иных  
Не ведает земля!

Пусть грянет дождь, как гимн  
Весне — сестре могучей  
Старухи злой, зимы,  
Сбежавшей за моря!

\* \* \*

О чем галдят столетние вороны?  
О чем шумят столетних сосен кроны?  
О чем скрипят песчинки под стопой?  
Ведь я иду кладбищенской тропой.  
Лесное кладбище на солнечной опушке.  
Родной и милый голосок кукушки.  
Со счету сбился... Нет, не время тризне, —  
И даже здесь все говорит о жизни!

## ЛИРИЧЕСКИЙ ПОЭТ

*Вл. Соколову*

Его встречал я часто одного  
В аллее сада, в сумерках белесых,  
Запомнил трость бессменную его,  
Так странно вдруг похожую на посох.  
Деревья, как внимающий народ,  
Кругом толпились в стройном беспорядке.  
Еще я помню крепко сжатый рот —  
Отчетливые, грузчицкие складки.

Так проходил он, в серый плащ одет,  
С лицом усталым, часто невеселым.  
А говорят: лирический поэт,  
Неуловимым занят, невесомым...

566563

Национальная  
библиотека  
Республики Алтай  
им. М.В. Чевалкова

## РУСЬ

Был Пушкинский праздник в разгаре.  
Поэты читали стихи.  
Ораторы были в ударе,  
Торжественны, как женихи.

Я звонкие их выступленья  
Внимательно слушал, подряд,  
Пока вдруг не без удивленья  
Ребенка почувствовал взгляд.

Девчушка была синеглаза,  
Печальна, светла и добра.  
Она улыбнулась не сразу, —  
Аленушка, муза, сестра.

От светлого этого взгляда  
Никак до сих пор не очнусь, —  
Нежданная сердцу награда:  
В глаза заглянула мне Русь!

## ДВОЙНИКИ

В далекие глухие времена  
Переселилась к нам семья одна.  
Судьба их из России привела  
На улочку алтайского села.  
Там и теперь стоит их крепкий дом,  
Их внуки проживают в доме том,  
И возглавляет этот сельский клан  
Табунщик опытный, Узун Иван<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Узун — длинный.

Теперь рассказ мой о другом селе.  
У Пушкина, на болдинской земле,  
Где съехались со всех концов страны  
Российской музы верные сыны,  
Мне встретился из Кирова поэт.  
Его увидев, я воскликнул: «Нет,  
Не может сходство быть столь велико —  
Село родное слишком далеко!..»

Был вятич — как с иванова крыльца:  
Табунщик и поэт — два близнеца!  
Видать, создатель все-таки шутник.  
Неужто где-то есть и мой двойник?

## ПОДАРОК

В селеньях, затерявшихся в горах,  
Мы школьникам свои стихи читали.  
А дети не забыли о дарах —  
И чистые тетрадки нам вручали.

Я тех ребят запомнил навсегда.  
Они еще прочтут мой стих негладкий.  
Они поймут, что долгие года  
Для них писал я в тоненькой тетрадке.

\* \* \*

*Брату Ятхону*

Глаза самозабвенно щура узкие,  
Поет квартет японский песни русские.  
Мотив торопит джазовыми ритмами,  
Аккорды ладит голосами слитными.

И как не вспомнить истину великую  
О том, что даже даль разноязыкую  
Преодолеет песня настоящая,  
Неутомимой птицею летящая!

\* \* \*

В заоблачные выси  
Бетонно вознеслась  
Останкинская башня —  
До неба коновязь.

Вблизи ее подножья,  
Иных земель поэт,  
И я обрел жилище  
На пять счастливых лет.

Через моря и горы,  
Равнины и леса  
Не дикий гусь пролетный,  
Небесная краса, —

А самолет могучий  
Нес от меня привет  
Друзьям, подруге, братьям  
Все пять коротких лет.

## КАМЕННЫЙ БАТЫР

В полумраке старинного храма  
Я бродил, как турист, не спеша.  
Вдруг среди приглушенного гама  
На мгновенье оглохла душа.

Я внезапно увидел батыра,  
С детских лет я его не забыл:  
Чуть не до сотворения мира  
Из гранита он вытесан был.

И всю жизнь он стоял возле дома,  
Где жил старый Абай, наш сосед...  
В горле горечь соленого кома —  
Эй, батыр, сколько зим, сколько лет!

По тебе дружно лазали дети —  
Дед Абай это нам разрешал.  
Но его уж давно нет на свете.  
Он батыра бы вряд ли отдал...

Земляки мои, односельчане,  
Разве нашего детства друзей  
Подобает в спокойном молчанье  
Отдавать — даже в лучший — музей?

\* \* \*

Мне услышать недавно, друзья, довелось:  
Если в путь собирался ученый-даос,  
Сотни книг многомудрых даосских  
Отправлялись за ним на повозках.

Я покуда еще не мудрец и не маг,  
Но, жилища меняя, заметил с годами:  
Меньше возим вещей, больше книг и бумаг,  
Где заветные строчки — рядами...

\* \* \*

Вот будто бы в Коране говорится,  
Мол, наших дней печальна вереница:  
Ведь нас уносит времени поток  
От той поры, когда был жив пророк.  
И все мрачнее будущего дали...  
Глаголют так священные скрижали.

Но наш отсчет — совсем иного рода.  
Мы, новые и юные народы,  
У Будущего требуем: гряди!  
И верим, что у нас — все впереди.  
Пускай нас ждет не божья благодать,  
Вопросы — наши, нам их и решать!



\* \* \*

Мы все-таки братья, все дети Алтая,  
А вовсе не разных племен.  
И наша земля неспроста Золотая<sup>1</sup> —  
Иных не знавала имен.

Урсульская<sup>2</sup> нас породила обитель  
И поле взрастило одно.  
И время, как мудрый наставник-учитель,  
Дает нам уроки давно.

Единый язык и единый обычай —  
От млека до поздних седин.  
Полет самолета повыше, чем птичий,  
И видно, что край наш един.

\* \* \*

Не жалея врага,  
А не то погубит.  
Ненадежен друг —  
Жди, что подведет.  
Девушка-краса,  
Может быть, разлюбит.  
Но счастливый час  
Все равно придет.

---

1 Алтай — Золотая земля (алтайск.)

2 Урсул — река на Алтае.

Лишь не отрекись  
От родного люда.  
Все, что есть твое,  
Дал тебе народ.  
Если выбрал путь,  
Двигайся, покуда  
Хватит сил твоих  
Двигаться вперед.

\* \* \*

Открыты пока еще взгляду  
Светила осенних небес.  
Еще не привыкли к наряду  
Осеннему рощи и лес.

Дожди не погрязли в беседе  
С землею о том да о сем.  
Но древние горы-медведи  
Затихли уже перед сном.

## АЛТАЙЦЫ

Мы ехали в метро  
Вдвоем. На нас глядели.  
Седых старушки две  
Поближе к нам подсели  
Как будто невзначай,  
Загадкою влекомы, —  
Послушать, как звучит  
Язык наш незнакомый.

Нерусские слова,  
Нездешние глаголы.  
Корейцы, может быть?  
А может быть, монголы?  
Японцы, может быть?  
А может быть, малайцы?  
Наверное, никто  
Не знал, что мы — алтайцы.

Нас мало, но и мы  
Стране великой служим.  
А кто не знает нас —  
Узнает! Мы не тужим.

\* \* \*

Зовут меня синие горы,  
Где помнит о сыне народ.  
И скоро, совсем уже скоро  
Стоять мне у отчих ворот.

Пускай я вернусь не батыром  
С алмазною саблей в руке,  
Не книжником мудрым и сирым,  
Пускай я вернусь — налегке,

Но верным и любящим сыном,  
Которому высшая честь  
Любимым горам и долинам  
Себя отдавать, как он есть.

*Горно-Алтайск, 1977*



## ПЕСНИ ПУТИ

### ПЕСНЬ О СЕМИНСКОМ ПЕРЕВАЛЕ

На Семинском горном перевале  
кедры, словно стражи, на пути  
предо мной с немым вопросом встали:  
«Есть ли силы, чтоб вперед идти?»

И ветра тугие здесь с размаха  
бьют в лицо, как будто говорят:  
«Коль не дрогнешь, проходи без страха,  
отведешь свой взор — пойдешь назад».

На Семинском вольном перевале  
не о счастье дерзко я мечтал,  
но о том, что в синей этой дали  
я осилю все же перевал.

За крутым Семинским перевалом  
я к мечте заветной начал путь.  
Чуйский тракт — судьбы мое начало —  
устремленьем мне наполнил грудь.

Мчались табуны коней ретивых.  
Груз тоски я сбросил с крепких плеч.

Шел устало долгой Вечной Гривой,  
чтоб ее однажды пересечь.

Никому не открывал покорно  
путь Семинский гордый перевал.  
Пело сердце юное упорно,  
и огонь в глазах моих сверкал.

— До свиданья, — говорю вам, — кедры,  
до свиданья, стражи горных круч.  
Вновь сюда, исполнен крепкой веры,  
я вернусь сквозь снежный холод туч.

На Семинском светлом перевале  
на крутой вершине вижу я,  
что тугим арканом в синей дали  
Чуйский тракт внизу скользит не зря.

Небо озаряется восходом.  
Расступитесь, горные хребты.  
Сын Алтая, я отсюда родом,  
путь мой начат с этой высоты.

## ПЕСНЬ ОБ УЛЫБКЕ ГОР

Если бы горы раскрыли с трудом  
полные света глаза,  
чтоб на ресницах, овеванных сном,  
засеребрилась слеза,

мир неизведанный ожил бы вмиг,  
а из глубоких низин  
сразу бы шум многозвучный возник —  
голос немолчных долин.

Горного ветра пронзительный свист.  
В скалах — пещеры, как брешь.  
Светится снег — он нетронут и чист.  
Воздух прозрачен и свеж.

Не обжигаясь, научен я пить  
воздух высоких вершин —  
пусть приведет обнаженная нить  
в мир, что издревле един.

Пусть оживут наяву, не во сне  
образы старых времен.  
И не случайно почудится мне:  
чьим-то я взглядом смущен.

Пристальный взгляд — как наследье веков.  
Память, как скорбь, не стереть.  
Родина, вновь я к познанию готов,  
повелевай мной и впредь.

Вижу улыбку проснувшихся гор  
в снежном и чистом венце.  
Буду я помнить ее с этих пор  
и сохраню на лице.

## ПЕСНЬ ВОЗРАСТА ВОЛИ

Вот земля, где окликнет ушедшее детство,  
где от прошлого мы получили в наследство  
эту чуткую поступь звенящих шагов,  
горы, к солнцу плывущие в дымке туманной,  
чистой песней зовущие нас непрестанной, —  
как здесь слышится явно дыханье веков!

Вот земля, по которой дороги струятся,  
приучившие нас ничего не бояться,  
мы с рассветом уходим по ним кто куда,  
сотни рек, синим пламенем плещущих в небо,  
запах свежего, сладко-осеннего хлеба,  
безмятежно бродящие в травах стада.

Юный, древний народ, сквозь года прорастая,  
мы тверды и нежны, в возраст воли вступая,  
закаляясь в свершениях, в мирных боях,  
что отцы начинали — сегодня достроим,  
разожжем очаги, и созвездья откроем,  
и продолжим себя в дочерях, сыновьях.

## ПЕСНЬ КОМУСА

Сестры-сосны, взобравшись на склон,  
сбились в рощу, глядят на долину,  
где, снегами почти занесен,  
санный след разделяет равнину,  
и стоят, зачарованы днем,  
что-то дальнее слушая в нем.

И стога, что в окрестных логах  
терпеливо дремали всю осень,  
побурев на знобящих ветрах,  
взор кидают в холодную просинь,  
но почти и не слышится в ней  
заблудившийся посвист саней.

Нет, долина светла и пуста,  
лишь забьется порошею песня,

то растает в снегах без следа,  
то опять улетит в поднебесье  
озорной немудреный мотив,  
без которого трудно в пути.

Это, видно, парнишка-пастух,  
что живет первый год на стоянке,  
мчит домой, и летят во весь дух  
тонкой кожей подбитые санки.  
Даже песня, что парень поет,  
как ни рвется вперед, отстает.

### ПЕСНЬ О ЛЕБЕДЯХ

На зеленой подушке весны  
Я лежал отрешенно, в печали.  
Где слова, что душе суждены,  
Что ж они исцеленьем не стали?

Чую, рядом витают слова,  
Те, волшебные, сердцу родные.  
Но лишь к ним прикоснулся едва —  
Отлетели в пространства земные.

Тихо кличут, зовут за собой,  
Словно лебеди родины горной.  
(Видно, стало моею судьбой  
Словно, полное воли просторной.)

И в волненье, глаза чуть смежив,  
Слышу шум пролетающих крыльев,  
Слышу я лебединый призыв,  
И предстало волшебное — былью.

Крылья белые словно звенят,  
Рассекая клубящийся ветер.  
И слова, что Алтай мой хранят,  
Пролетают по белому свету.

И слова осенили меня,  
Словно лебеди родины милой,  
Стали чистым сиянием дня,  
Исцеленьем печали постылой.

Вновь я словом родным воскрешен,  
Словно корнем алтайским целебным.  
Лебедей пролетающих звон  
Слышу в небе, родном и волшебном.

## ПЕСНЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Даже если мой конь-аргамак мне не будет послушен,  
я до цели заветной пешком все равно добреду.  
От туманов сползающих воздух и влажен и душен,  
и в долинах дожди от усталости спят на ходу.

Я хочу подарить тебе новые лучшие песни,  
я хочу возвратиться к тебе, заповедный мой мир.  
Я пройду по дороге, скалистой, крутой и отвесной,  
и следы на снегу будут четкими, словно пунктир.

И вершины, что снежные веки смежили под вечер,  
вдруг услышат мой вздох в удивленье и спросят меня:  
ты зачем потревожил покой наш высокий и вечный,  
утомившийся путник, на склоне угасшего дня?



## ПЕСНЬ О КЕДРЕ-ЧЕЛОВЕКЕ

*Н. К. Рериху*

На луга я пригнал с пастухами стада.  
Шум заполнил долину глухую.  
И ответила эхом отрогов гряда,  
Разбудив тишину вековую.

Как отрадна картина цветущей земли!  
Путь мой дальше — к вершине Три Бека.  
Горы ввысь дух Алтая в веках вознесли,  
Вознесли и судьбу человека.

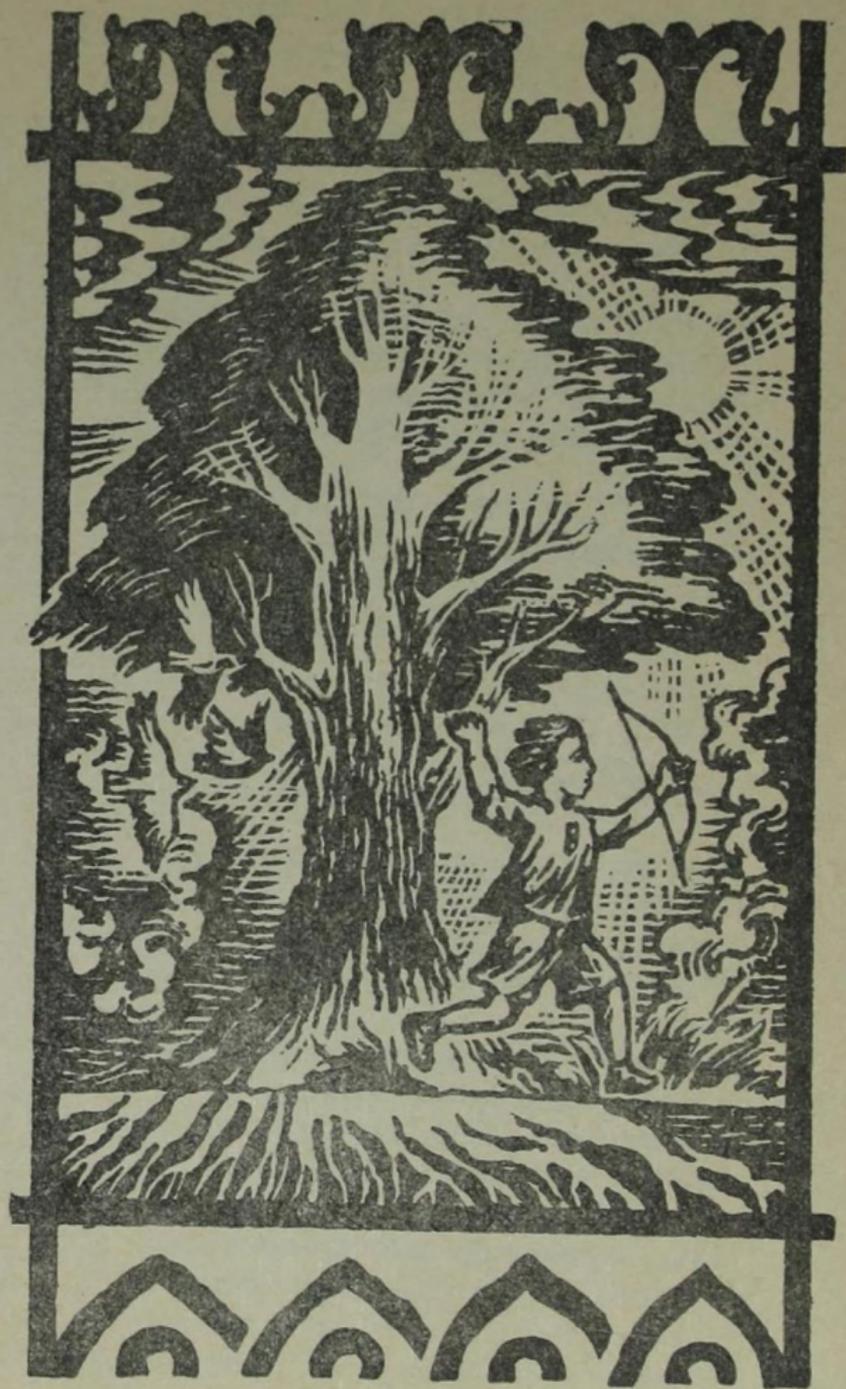
О Алтай, над тобой катит волны поток  
Голубого воздушного моря.  
На горах очистительной бури исток,  
Лес шумит, небу вечному вторя.

И почудилось мне, на вершине крутой  
Стал я кедром, могучим и крепким.  
Ветвь тяжелая стала моею рукой,  
Врос я корнем, упрямым и цепким.

Ветер треплет мне хвою сыпучих волос.  
Сквозь расщелины черного камня,  
Сквозь сверкающий лед и сквозь время пронес  
Я тревоги мои и исканья.

И наполнили сердце мне соки земли,  
И увидел я, словно впервые,  
Как синее простор необъятный вдали,  
Как блестят пики гор снеговые.

И увидел сухой, раскаленный закат,  
И багровое небо раскрылось.



И увидел, как алые тучи летят,  
Словно птицы невиданной крылья.

И кустарник, что врос в склоны каменных гряд,  
И утесов точеные грани, —  
Я увидел, как будто впервые открыв,  
Красоту и нашел ей название —

Я нашел это слово, сказал: о Алтай!  
Величавой суровой твердыней  
Встали горы — то чаши синеющий край,  
Что хранима землею доныне.

И услышал я вечного космоса зов,  
Наполняющий сердце звучаньем:  
Пробудись, человек, отрешаясь от снов,  
Зов прими в благодарном молчанье.

### ПЕСНЬ-РАЗМЫШЛЕНИЕ У ОБО<sup>1</sup>

Если бы мне превратиться однажды  
в камень на горном обо, на ветру  
слушать бы эхо столетий отважных,  
шепот таинственных трав поутру.

Все бы я понял в раздумье глубоком:  
вольное, дикое ржанье коней  
и человеческой думы истоки,  
зреющей в жарком дыхании дней.

Если бы в камень седой превратиться  
или же в жгучую каплю дождя,

---

<sup>1</sup> О б о — каменная насыпь на горных перевалах.

чтобы с чела Уч-Сумера скатиться,  
светлым потоком в долину сойдя.

Снова вернуться снежинкой летучей  
к лику его через тысячу лет,  
чтобы увидеть за темною тучей  
розовый, дымно встающий рассвет.

Стать бы мне кедром на круче отвесной,  
снежной, морозною пылью дыша.  
В глуби тайги, и дремучей и тесной,  
слушать рокочущий зов Иртыша.

Только в звучании струнном топшура  
ясной картиной увидится мне:  
предок далекий и строгий и мудрый  
взгляд, обращенный к небес глубине.

Что он там ищет, провидец безвестный,  
в звездном и вечном сверканье огней?  
Предок далекий, подумаем вместе,  
пусть разделяет нас множество дней.

Предок далекий и дальний потомок,  
звездное небо так ярко горит,  
словно бы мне, человеку простому,  
дума о вечном еще предстоит.

Словно томится во мне ожиданье  
зова Вселенной до лучшей поры,  
словно откроются вдруг мирозданье  
и бесконечного неба миры.

Предназначенье быть хрупким сосудом —  
это удел человека, и все ж  
жизнь для тебя вдруг окажется чудом,  
если ты космос в себе обретешь.

## ПЕСНЬ ОБРЕТЕНИЯ СИЛ

Я силы душевные вновь обретаю,  
когда приближаюсь к родимой земле,  
когда припадаю к родному Алтаю,  
и речь его слышится гулом во мгле.

Вдали от Алтая мне слов не хватало.  
Не в силах сомнений своих победить,  
перо уж не раз оставлял я, бывало,  
в молчанье хотел красоте послужить.

Я только лишь малая ваша частица,  
язык мой, народ мой, природа моя.  
И дереву выпало счастье родиться  
на воле и листьями сыпать, звеня.

И я проникаю в созвучий истоки  
корнями звенящих бушующих слов.  
Сомнений и слабости кончились сроки,  
и я победил, я к работе готов.

Тревожные вздохи в груди подавляя,  
вошел я в природу, как в храм красоты,  
вошел я в природу родного Алтая,  
увидел я землю с вершин высоты.

## ПЕСНЬ О ТОРЕ<sup>1</sup>

Черным лесом поросшие склоны,  
где звериный почувствуешь взгляд,  
где, как войны в шлемах зеленых,  
вековые курганы стоят,

---

<sup>1</sup> Тор — закон, уложение.

юный всадник, что стелется в спешке,  
горделивая удаля коня, —  
этот мир, неизбывный и вешний,  
пред глазами всегда у меня.

Тихо радуга полудня вспыхнет  
на плече у горы Тектиреш,  
тетивою оборванной стихнет,  
уступая вечерней поре,

и тогда зазвенит, заиграет  
на груди у горы Самарган  
предзакатная радуга, краем  
зацепив самый дальний курган.

Неприметная сизая птичка  
о заботах щебечет в логоу.  
Ах ты, птичка моя, невеличка,  
всем, чем хочешь, тебе помогу.

Что ж поделаешь, если годами  
отмеряться дорога пошла?!  
Но послышится вдруг за плечами  
дальний голос родного села.

И, не в силах стреножить волнение,  
с полдороги назад поверну,  
можжевеловый дым очищенья,  
припадая к долинам, вдохну.

Все на свете кругами своими  
среди житейской идет быстрины,  
даже самое звонкое имя  
звук пустой без родной стороны.

Разве может быть что-то достойней,  
чем трудиться да сына растить  
да глядеть, чтобы отчие корни  
он не смог никогда позабыть?

Нужно жить, чтобы в радость казался  
трудовой обжигающий пот,  
чтобы тор нерушимо держался  
даже в цепких объятьях невзгод.

Это главная в мире забота,  
без которой нет жизни тебе:  
о продлении родины, рода,  
о народной, родимой судьбе.

## ПЕСНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ МАТЕРИ

Рубашка, что в дорогу ты стирала,  
На теле, смуглом, как степная пыль, —  
Мне память о руках твоих усталых,  
Шероховатых, нежных, как ковыль.

Курут<sup>1</sup>, что ты дала мне в путь далекий,  
Храню, как память светлую во мне,  
Что зреет от младенчества глубоко, —  
О белом молоке твоём, эне<sup>2</sup>.

И песню, что ты раньше напевала,  
Пою, пусть знаю — детство не вернуть,  
Ту песню долгую, в ней слов немало,  
Я с нею отправляюсь в дальний путь.

---

<sup>1</sup> Курут — сушеный сыр.

<sup>2</sup> Эне — мать.

Под нежный зов мелодии протяжной,  
Под эту песню, за подол держась,  
Мы, словно косулята, вдруг отважно  
Вставали на ноги, боясь упасть.

К тебе тянулись головы ребячьи...  
Но вот уж дети малые твои  
Вслед солнцу зачарованно, не плача,  
Глядят на мир, как все цветы земли.

И эта песня вечного начала  
Мне стала песней вечного пути.  
Я знаю, у земли дорог немало.  
Одна ведет со склонов Теректы.

### ПЕСНЬ О ДЬЕР-СУ<sup>1</sup>

Воздухом, чистым, как этот,  
где мне еще дышать?  
Землю, такую, как эта,  
где мне еще найти?  
Небо, такое, как это,  
сроду не увидеть.  
А от народа можно  
только со смертью уйти.

Это —

воздух свободы, зовущий в безумный полет,

это —

мать земля, что щитом накрывает героя,

это —

небо высокое, чистое и голубое,

---

<sup>1</sup> Дь е р-С у (Земля-Вода) — символ родины в алтайском эпосе.

это —

с грудью гудящей, как колокол, вещей народ.  
Прост и горек язык, уходящий корнями во тьму,  
с небывалой судьбой, просквозившей чрез двадцать  
столетий,  
в нем — напев колыбельной и бешеный ветер,  
но по древности с духом никак не сравниться ему.  
Ибо дух — это воздух, и небо, и вещей народ,  
это — мать земля, горделивая мать Алтая,  
это голос Дьер-Су, что извечно в народе живет,  
иногда затихая, но не затухая...

## ПЕСНЬ О КОВЧЕГЕ

Кочевник, в надежном и вечном ковчеге,  
я снова  
плыву по просторам великого Моря Степного,  
на мачту взобравшись легко — на макушку Алтая,  
гляжу на восход и закат, звездный час ожидая.  
А те, кто со мною в пути хлеб и воду делили,  
лишь берег завидя, ушли, обо всем позабыли,  
спеша, гомоня,  
слову брата не внемля...  
Следы их теперь не отыщешь в распаханых землях.  
А я все плыву, и конца нет простору,  
и рано ли, поздно, — в какую-то пору,  
я знаю, что хватятся люди ковчеха,  
огни на курганах моих позовут человека,  
и смутною памятью в сердце его шевельнутся  
растенья и воды, прося поскорее вернуться.  
Идите обратно, я с вами готов породниться,  
но, чур, уговор, — вам придется учиться  
мудрее быть, краше,  
стать другом и зверю, и птице,

их речь понимать, ведь она первозданнее нашей.  
Сбирая по крохам великое знание природы,  
сквозь времени волны — сквозь годы,  
когда всему сущему братьями станем,  
мы к новому берегу путь свой направим,  
навстречу всем будущим испытаниям.  
Наш мир — это общий ковчак на стезе мироздания.

## ОГОНЬ И ВОДА

Два близнеца, две грозные стихии.  
Кто из них дочь? Кто первородный сын?  
Огонь или Вода? Они такие,  
враждебные — но корень их один.

Огонь или Вода? Кто темен ликом?  
Кто светел? Кто не прав иль прав всегда?  
И кто из них в стремлении великом  
благословенье нам или беда?

Кто первороден был во всей Вселенной?  
Так грозно очищение огнем!  
Потоп крушит лавиною мгновенной.  
И грязь, и тлен воде мы отдаем.

Огонь — тепло и яркий свет в жилище.  
Извечен давний спор Огня с Водой.  
Без них и совершенство будет нищим,  
без этой чужеродности святой.

Они дружны, они всегда едины.  
Как чист Огонь! И как чиста Вода!  
Они — две первозданных половины  
единого, повсюду и всегда.

И человек, рожденный из стихии,  
несет Огня печать, Воды печать.  
В Огне — нетленны и в Воде — сухие,  
рождаясь, мы — Огня с Водой часть.

## ПЕСНИ ЗОЛОТОЙ КУКУШКИ

*Чингизу Айтматову*

\* \* \*

Где белопенная вода, где белоглавая гряда,  
Где белорунные стада,  
Стоит над лучшей из долин,  
Стоит над высшей из вершин  
Столетний тополь-исполн.  
Взлетая по его ветвям и лето предвещая нам,  
Вещунья золотая там  
Кукует звонко сотни лет.  
Седой Алтай, весь белый свет,  
Урмаң, что зеленью одет,  
И говорливая река—все слышат песнь издалека,—  
Звонка она и глубока...

И вот опять от песни той  
Алтай очнулся золотой:  
Кустарник высушенный — в листве,  
Земля иссохшая — в траве,  
Пустое вымя — с молоком,  
Пришел достаток в бедный дом,  
Баранина в пустом котле,  
Народ на брошенной земле...

Все громче песня, на нее лесное сходится зверье,  
Слетаются из теплых гнезд и сыч, и горлица, и дрозд.  
Выходит солнце за луной.  
За днем приходит мрак ночной,  
Опять яснее высота, но не смолкает песня та.

И лес — листвою разодет, и камень — от столетий сед,  
И солнечная тишина, и величавая луна,  
И огнецвет, и первоцвет, и все, чем славен белый свет,  
Вбирает вечный голос той кукушки вещей золотой.

И человек — Природы сын —  
Поднялся думой до вершин  
И песню слухом ловит,  
Но  
Душою все ль понять дано?

\* \* \*

Все, что, под синью небосвода  
Рождаясь, дышит и живет —  
И лес,  
И птицы,  
И народ, —  
Тебя, Земля,  
Тебя, Природа,  
Великой Матерью зовет.

О сколько нас, детей, у мамы  
В степи,  
В тайге,  
В стремнинах рек!..  
И среди прочих младший самый  
И слабый самый —  
Человек!

Появился на свет беззащитен и гол,  
Но сияла в руке золотая стрела!  
Человеку она подарила огонь —  
Материнский очаг, свет родного тепла.

И Земля — мать огня. Небо — грозный отец  
Рассудили: пока, появившись на свет,  
Беззащитен и гол несмышленный птенец,  
Будет в огненный свет и обут и одет.

Пеленали пока — наставляли сынка:  
Подрастай поскорей среди птиц и зверей,  
Вровень с ними вставай, сердцем не забывай:  
Это — братья твои, дети общей семьи...

\* \* \*

И крепка, и прочна колыбель человека,  
И щедра длань природы великой, пока  
Помнит верной душой он о братстве от века,  
А не мнит из себя всеземного царька.

Колыбель человека прочна и надежна,  
С ним останутся в братьях зверье и цветы,  
Лишь покуда он сам, возвеличась ничтожно,  
Не расплещет моря, не разрушит хребты,  
Не направит покуда стрелу золотую  
Против той, кем он создан — Природы самой...  
Мал и слаб он еще, только начал земную  
Жизнь, и разум его не взошел над травой...  
Верно пестуя днем, охраняя ночами  
Несмышленьища-сына, жалея, любя,  
В колыбели Природа тихонько качает,  
Чтоб скорее попрос, чтоб познал он себя...

\* \* \*

По миру жизнь свою гоня,  
В родных горах под новолунье  
Однажды ты убьешь меня —  
Кукушку — вещь певунью.

И, голову отрезав мне,  
Костер под тополем разложишь,  
Изжаришь голову в огне  
И перед сном ее обгложешь.

Уснешь как мертвый. Не дано  
Тебе понять во сне беспечном,  
Что охватил огонь давно  
Листву на древе вековечном.

\* \* \*

И лишь когда огонь взлетит,  
Коснется дрогнувшей вершины,  
И загрохочет, зашипит,  
И рухнет остов тополиный.

И вспыхнет в озере вода, —  
И беззащитно горько-звонок,  
Исторгнет голос свой тогда  
Осиротевший мараленок!

Ты утром мать его сразил  
У этих вод, на водопое...  
Тут лишена природа сил,  
Обезображена тобою!  
От плача бедного сынка  
Живое в горечи поникнет,  
Пробьет до звезд он облака,  
Он до глуби земли достигнет!

Пылает лес! Горит вода!  
Весь мир кричит, как мараленок!  
Беспечный, может быть, тогда  
Ты зашевелишься спросонок.

Но голова твоя в дыму,  
Пылает сердце, догорая, —  
Как эту огненную тьму  
Ты одолеешь,  
Я не знаю.  
Как вечный топольохранишь,  
Воздвигнутый тремя мирами,  
И эти воды освятишь,  
И эти души воскресишь,  
И обуздаешь это пламя?!

\* \* \*

Ты помни, —  
Я еще жива,  
Еще на тополе листва  
Звенит под солнцем золотым  
И кукованием моим  
Полна округа, как всегда,  
Где белопенная вода,  
Где белорунные стада,  
Где белогривая гряда...

Я возвещаю ход времен  
Всем людям четырех сторон,  
Летят с небес мои слова,  
Пока жива,  
Пока жива...

## ПЕСНЬ-ОТВЕТ ХАН-АЛТАЯ

— О Алтай наш солнечно-лунный,  
ты настрой на топшуре струны,  
расскажи, как нам дальше быть,  
силу вольную не избыть,  
чтоб горел, не погас очаг,  
чтобы наш батыр не зачах? —  
говорят, так вскричал однажды  
стихотворец один отважный,  
от отчаянья возрыдав,  
всех соседей вокруг собрав.

Говорят, Хан-Алтай нахмурил  
величаво свое чело,  
нити горных хребтов, как складки,  
по лицу побежали зло,  
заметались в ущельях тени,  
и туман на долины пал,  
словно мудрый кайчи<sup>1</sup>, с презреньем  
он громово зарокотал:

— Я единожды отвечаю,  
только раз в полтысячу лет,  
так внимай же, хотя, я знаю,  
не утешит тебя ответ,  
неразумны твои вопросы,  
а еще бестолковой слезы,  
и зачем ты их — не пойму —  
льешь к подножию моему.  
Ведь тому, кто и жнет, и сеет,  
кто в привычном труде возрос,  
жизни суть не в пример яснее,  
и бессмысленен твой вопрос.

---

<sup>1</sup> К а й ч и — певец эпических сказаний.

Нет народу большого дела  
до того, что он мал числом,  
за себя постоит он смело,  
злые ветры не пустит в дом.  
Кто изведал борьбу и тленье,  
славу, гибель, событий ход,  
свято веруя в возрожденье,  
в простоте на земле живет.  
У народа душа такая,  
что вмещает весь белый свет.  
Как же можешь ты, причитая,  
хоронить его в цвете лет?!  
Ты его узнавай по делу,  
по решительности зрачков,  
будь с ним вместе душой и телом,  
обойдясь без никчемных слов.  
Испытав сто земных тревог,  
что ты скажешь потом, пророк?

Так изрек Хан-Алтай и тучи  
отогнал от седых вершин,  
ниспуская свой свет летучий  
на зеленый ковер долин,  
где народ, как и встарь, живет,  
нерушимо ведя свой род.

### БАЛЛАДА О ЯБЛОКАХ

Немало есть того, что источает  
свой аромат, целебный иль приятный,  
и комнаты, и мысли очищая,  
курится благовоний дым отрадный —

в нем с детства можжевельник различаю,  
и лапу хвойную, траву степную.  
Но одного я все-таки не знаю —  
по одному и до сих пор тоскую:

неповторимым, тонким и щемящим  
для нас был запах яблок в годы детства,  
когда посылочный фанерный ящик  
мы открывали, чтобы наглядеться

на груди яблок, круглых и румяных.  
Мы повторяли слово: Украина...  
Была нам сказкой о далеких странах  
садов цветущих чудная картина.

Что говорить, ведь был для нас привычным  
лишь запах толокна или курута,  
или бульона крепкого из дичи,  
приправленного диким луком круто.

В воображенье рисовалось много:  
то старый Бульба, то матрос Жухрай.  
И мы поверили всему, что Гоголь  
рассказывал, рисуя дивный край,

хотя отец рассказывал иначе:  
о пепелище — что ни дом — труба  
разрушенной печи, где ветер плачет;  
о том, что в городах гремит пальба.

Солдат запомнил командира роты  
и разыскал его почтовый адрес,  
запомнил молчаливого ойрота,  
с которым свыкся, видно, года за три.

И к ноябрю, и в новогодний праздник  
к нам от него посылки приходили.

И груш, и яблок аромат прекрасный  
мы до сих пор в душе не позабыли.

Не надо ждать, пока придет излишек.  
И на добро добром мы отвечали.  
Смолистый дух тугих кедровых шишек  
и мы в ответ с любовью посылали.

Колхозный бригадир, войну прошедший,  
как его звали, я не помню точно.  
В те годы и ему жилось не легче,  
и он семьей большой был озабочен.

Мы в смерть его не верили вначале —  
и страшен был ее свирепый образ:  
бык черный, племенной, так нам писали,  
пронзил его рогами, вспучив ноздри.

...Прошли года. Однажды в самолете  
я из Москвы летел, согласно рейсу.  
«Откуда эти яблоки везете?» —  
спросил я вдруг, забывшись, стюардессу.

Она сказала: «Яблоки грузили  
в порту. Все остальное не известно».  
Я их узнал: так запахи сквозили,  
им в самолете этом было тесно.

О яблоки далекой Украины...  
Я шлю привет тебе, семья Чугая.  
Тот нежный аромат, родной, старинный,  
живет во мне, мечту оберегая.

## БАЛЛАДА О ЛЕНИН-ДИАСЕ

В пору осени темной, ненастной  
бьет холодными пальцами дождь  
по окну, монотонный и частый:  
мол, не слишком ли тихо живешь?

И в мерцании телеэкрана  
я увидел его в первый раз:  
отделенный от нас океаном,  
мне понравился Ленин-Диас.

Это странное имя чилийца,  
и страны его узкий рельеф,  
убежденный рассказ очевидца  
и гортанная речь нараспев —

все меня потрясло удивленьем.  
Непритворная радость людей  
вдруг меня обожгла на мгновенье  
и заставила думать светлей

о стране, что расправила крылья, —  
ярким был оживленный рассказ.  
А в глазах его ясных, открытых, —  
теплый свет. Имя — Ленин-Диас!

Дальний брат мой, пусть я не увижу  
и не встречу тебя никогда,  
для меня ты останешься ближе  
многих, с кем я знаком был года.

Сын шахтера на севере Чили  
стал надеждою бедной семьи.  
Чтобы стать инженером, учился  
он в Москве, здесь встречался с людьми,

здесь прошел полный курс в институте.  
И особой науки наказ  
быть в ответе за землю, по сути,  
принял искренне Ленин-Диас.

Наши судьбы с тобою похожи,  
друг далекий. Мне русский язык  
близким стал, как тебе, и я тоже  
знаю: Ленин ведет напрямик.

Мой отец имена со значением  
нам давал (было восемь всех нас).  
Имя каждому — как наставленье,  
путеводная нить в трудный час.

Так отцы, о добре беспокоясь,  
знали верную цену словам.  
Быть другим не позволит мне совесть:  
как я имя такое предам?

Где ты нынче, никто не ответит.  
Может, мертв, иль в застенках сейчас?  
Вижу путь твой, сквозь камень и ветер,  
брат далекий мой, Ленин-Диас!

### БАЛЛАДА ОБ ОТЦЕ

От старых ран отец наш умер,  
оставив пенсию семье  
и нас оставив в вечной думе:  
как быть, что делать на земле.

И не смогли мы отстраниться  
от безотцовщины, нужды.  
Порой истории страницы  
темны от крови и беды.

И все ж судьбою сопричастны  
с людьми мы были и страной.  
И потому частица счастья  
не обошла нас стороной.

Наш старший брат стал инженером,  
вернулся из Москвы домой,  
став для других детей примером,  
опорой всей семьи большой.

Немного лет прожил на свете  
отец, и все ж прожил сполна.  
Он чувствовал себя в ответе  
за все мечты твои, страна.

На землях кулаков Уймона  
он с юных лет был батраком.  
И свет звезды краснознаменной,  
и звезды в небе за окном

сияли огненно и чисто  
в его бесхитростной судьбе.  
И был он в честности неистов,  
и жизнь свою прожил в борьбе.

Я понял навсегда и разом,  
что нашей жизни рубежи —  
лишь сердце доброе и разум,  
не знающие зла и лжи.

Как он мечтал о знаний свете,  
о том, что тьме придет конец,  
о том, что выучатся дети, —  
был самоучкой наш отец.

В нем не было стремленья к славе.  
С тех пор прошло немало лет:  
он в нашей памяти оставил  
кристальной совести завет.



## ПЕСНОПЕНИЯ О ШУНУ<sup>1</sup>

\* \* \*

Эту песню о Шуну-батыре  
от Байкала и до Балхаша,  
от Алтая и по всей Сибири  
читит народов добрая душа.

Память о заступнике народном  
и любовь к нему живут не зря.  
Был он человеком благородным,  
младший сын джунгарского царя.

Брошенный безжалостно в темницу,  
с вырезанным из плеча хрящом,  
он и здесь помочь стране стремится,  
честь ее он спас своим умом.

...Он уходит в глубину России,  
и погоне не найти его.  
Был он тем, кому бы зло простили,  
не простили только одного —

не простили правды, не простили  
те, кто поделили злую власть.

---

<sup>1</sup> «Песнопения о Шуну» и другие стихи этого цикла, посвящены 225-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав России.

Имена правителей забыли,  
а Шуну — любви народной часть.

Подоплека этих песнопений,  
может быть, не каждому ясна.  
Вслед Шуну Алтай без опасений  
приняла могучая страна.

## 2. ПОХВАЛА О ДОБЛЕСТИ БАТЫРА

Склоны тридцати вершин в дыму —  
это поджигает лес Шуну.  
Враг нас полонить пришел — ему  
заслоняет путь Шуну.

Шестьдесят вершин высоких гор  
запалил неистово Шуну.  
На врага, что нам принес разор,  
шлет проклятье тяжкое Шуну!

## 3. ПЕСНЬ ШУНУ В ТЕМНИЦЕ

Сколько листьев на ветвях березы —  
взглядом не окинуть, всех не счесть.  
Как черны и мысли, и угрозы  
братьев, что забыли стыд и честь!

Видно, иглам на сосне подобны  
мой беды — и конца им нет.  
Как поверить мог наветам злобным  
мой отец, проживший столько лет!

#### 4. ПЕСНЬ НА ИРТЫШСКОМ БЕРЕГУ

О Иртыш, ты темен и могуч,  
здесь меня засадой обложили.  
В стороне родной средь горных круч  
клеветою низкой оскорбили.

Превращусь я в черного скворца,  
реку я перелечу как бездну.  
Будет Золотой Прикол<sup>1</sup> мерцать —  
в землях Белого царя исчезну.

Синяя волна твоя, Иртыш,  
как черта, куда враги загнали.  
Что ж ты, сильный и крутой, молчишь,  
ведь меня измучили, изгнали.

В синего быка я обернусь,  
реку переплыв, Алтай покину...  
И по Северной Звезде на Русь  
к Чаган-хану я уйду отныне.

---

<sup>1</sup> Золотой Прикол — Полярная звезда. Так же, как и Чаган-хан — олицетворенный образ России того времени у народов Центральной Азии.

## 5. ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЬ ШУНУ

Конь-аргамак нетерпеливый  
давно уже копытом бьет.  
И, нежно глядя его гриву,  
моя подруга слезы льет.

Любимая при расставанье  
припала к стремени щекой,  
услыша голос расстояний  
с российской снежною тоской.

Есть шесть углов на белом свете,  
изгнанник, я смотрю вперед:  
сквозь все предательства, наветы  
идет в грядущее народ.

Смотри, созвездие Семь Ханов,  
я — муж по имени Шуну,  
по зову сердца сквозь бураны  
уйду в России глубину.



## ХРАНИТЕЛЬНИЦА РОДА

*Эжеру Яимову*

Приближался черный вражеский поток,  
на своем пути размел он все, что мог.  
На Алтай свалились беды, всех не счастье —  
впереди летит, как ворон, злая весть.  
Все мужчины — кто в бою, а кто убит.  
Плачет женщина (младенец в люльке спит):  
«Что же делать? Как ребенка защитить?  
Что казан в остылой юрте сторожить?  
В гости, что ли, жду я лютого врага?  
Если мне судьба Алтая дорога,  
сберегу сыночка, в горы с ним уйду,  
не прервется нить судьбы в его роду.  
Лучше спрячусь в диких дебрях среди скал,  
чтобы враг и хищный зверь не отыскал».  
Но мужчины верховых коней с собой  
увели, когда стремглав умчались в бой.  
А буланный жеребец? — Лют, как стрела,  
необъезженный, не знает он седла.  
Он вожак неукротимый в табуне...  
И, подвесив люльку с сыном на сосне,  
быстро полы чегедека<sup>1</sup> подоткнув  
за кушак, она — и глазом не моргнув —  
вдруг метнула ловко, серьгами звеня,  
свой аркан на шею гордого коня.

---

<sup>1</sup> Чегедек — женская верхняя одежда.

Взвился лютый жеребец и захрапел,  
со спины седло он сбросить захотел,  
и, отчаянно бунтуя, разозлясь,  
он пытался вырвать с корнем коновязь.  
И вскочила ловко женщина в седло,  
и ее как будто вихрем понесло!  
Но, держа в руке поводья, на скаку  
погнала она к трясине, к озерку.  
Усмиренный конь, весь взмыленный, в пѣту,  
с ней помчался по долине Каргысту.  
Сердце вѣщее почуяло не зря:  
вражье войско шло вдали, как тень скользя.  
Ввысь орел взлетел, исчезнув без следа,  
и закаркал ворон: к нам пришла беда!  
Ветер холодом подул. Взметнулась пыль,  
и к земле пригнулся шепчущий ковыль.  
Сразу ринулись враги за нею вслед.  
Что же делать? От беды спасенья нет.  
Но быстрее пули мчался конь лихой,  
конь крылатый — с черной бархатнойолой:  
так на женщине взвивался чегедек,  
так был грозен жеребца упрямый бег.  
Подхватила ловко всадница рукой  
на скаку свой груз бесценный, дорогой —  
люльку с сыном — и умчалась напрямик  
к Вечной Гриве<sup>1</sup>, где кипит средь скал родник.  
Там нашла она оставшихся в живых,  
схоронившихся средь гор своих родных.  
И запела, сына грудью покормив,  
и печален был у песни той мотив.

---

<sup>1</sup> Вечная Грива — старинное название горы, где произошла последняя битва алтайцев с войсками Цинской империи, ныне — Семинский перевал.

## ПЕСНЬ О РАЗОРЕНИИ АЛТАЯ

О если б сверху вдруг единым взором  
увидеть величавый Хан-Алтай,  
где высятся вершины гор дозором  
и охраняют заповедный край.

Но удивишься и замрешь в молчанье,  
увидев Хан-Алтай со стороны —  
вершины гор на дальнем расстоянье  
застыли, словно вал одной волны.

Как плети, тянутся хребты прямые.  
Мы пуповиной связаны с тобой,  
о Хан-Алтай, и в годы роковые  
здесь приняли мы страшный смертный бой.

Обагрена струя Катуня кровью.  
Не волны, а тела несет Иртыш.  
И нет спасенья от беды суровой:  
о Хан-Алтай, ты в пламени горишь!

Покинуты осенние стоянки.  
Кровь запеклась, как бурая трава:  
умолкли на пригорках и полянках  
счастливых песен светлые слова.

С предсмертным ржаньем сказочные кони  
хрипя упали, гривы разметав.  
Здесь воин передал в последнем стоне  
любовь к земле, и смял цветы рукав.

Сверкали острые мечи и сабли —  
здесь вышли сыновья на смертный бой.  
На помощь им, чтоб силы не иссякли,  
и дочери с ножами встали в строй.

О красные раскидистые сосны,  
кренясь под ветром, вам не пасть ничком!  
О Хан-Алтай, в веках победоносно  
тебе стоять — ты наш оплот, наш дом.

### ПЛАЧ ДЕВУШКИ, ПРИНЕСЕННОЙ В ЖЕРТВУ ВРАГАМИ

Безмерно горе девушки Шудур.  
Долина Яйлагуш полна печали —  
трава здесь мягче выделанных шкур,  
и кедры гордые на кручах встали.

Здесь коршун черной точкою парит  
в бездонном небе, чистом и глубоком.  
Старинное преданье говорит  
о зле, содеянном врагом жестоким.

Алтайцы были угнаны в полон.  
Отряд захватчиков обряд ужасный  
свершил. И был покрыт зеленый склон  
невинной кровью девушки прекрасной.

Но градом каменным Алтай сразил  
злодеев, говорится так в преданье.  
И бережно народ наш сохранил  
казненной девушки плач-причитанье:

— О мой прекрасный голубой Алтай,  
нет у тебя защитника-владыки!  
О мой любимый опустелый край,  
повсюду — взятых в плен мольбы и крики.

Зачем я родилась на белый свет  
хранительницей очага и дома?  
О небо синее,

дай мне ответ:  
за что мне эта смертная истома?

О если б я мужчиной родилась,  
с врагом бы я сражалась беспощадно.  
Хочу я,

чтоб мечта моя сбылась,  
чтоб я не стала жертвой безотрадной:

пусть кровь моя и песнь моя, Алтай,  
твоим последним станут

тяжким горем.  
Вновь расцветет пусть мой родимый край,  
народ, воспрянув, возродится вскоре!

Прощай, прощай,

долина Яйлагуш,  
пусть твои кедры вечно зеленеют.  
Святую кару на врага обрушь,  
о небо! — нет защиты нам сильнее...

## ПЕСНЬ ОБ ЭН-УЧУК — ДОЛГОЙ ГРЯДЕ

О священные камни твои, Эн-Учук,  
мы истерли подошвы тяжелых сапог.  
В час, когда нас беда замыкала в свой круг,  
ты один нас укрыл и один нам помог.

И на склонах лесистых твоих, Эн-Учук,  
мы спасли животы — жизнь народа спасли.

Долго враг ненавистный теснил нас вокруг,  
сапоги наши были в дорожной пыли.

Жизнь спасая свою, мы спасали Алтай.  
Мы взошли на вершины таежных хребтов,  
чтоб навеки свободным остался наш край,  
чтоб народ не усвоил привычки рабов.

И недаром сравнили хребет Эн-Учук  
с сухожилием крепким оленьей спины.  
Наш спаситель-гора, наш отец и наш друг,  
наши лучшие песни тобой рождены.

Защитил нас священный наш Эль-Бабурган,  
спас навеки от злобы кровавой врага.  
И тодошам был путь возрождения дан —  
роду Синего Волка. Трудна и долга

ты, дорога народа, от черных пещер,  
что на северных склонах Алтай укрывал,  
от вершины горы, от заоблачных сфер,  
до Катунь родной, где начало начал.



## ТЫСЯЧЕУСТОЕ СЛОВО

\* \* \*

Взгляну ли вверх — родные небеса,  
взгляд опущу — кругом земля родная.  
От счастья на глазах блестит слеза,  
и зреет песня, зренье затмевая.

\* \* \*

Навеки дается нам в жизни отец,  
и мать свою, дети, всегда берегите,  
и родина крепнет сияньем сердец,  
ведь сердце — любви нашей чистой обитель.

\* \* \*

Что значит песня, если в ней  
нет жара-полыханья?  
Что человек среди людей —  
без пламени дыханья?

\* \* \*

Нацелил сокол острый глаз —  
за дальнею добычей.  
Вот так же мудрого рассказ  
узрел веков обычай.

\* \* \*

По всходам можем мы понять,  
какого урожая ждать.  
И человека неужели  
увидеть можно с колыбели?

\* \* \*

Глазам открыт весь обозримый путь,  
а сердце зрит невидимую суть.

\* \* \*

Шей дочери к свадьбе наряд,  
а сын пусть готовится к битве —  
так в Чуйской степи говорят,  
и мудрость тех слов не забыта.

\* \* \*

Слова мужчины вдруг я услышал —  
и в воздухе как прозвенел металл.

\* \* \*

Не знал ты предвестника новых дорог —  
черемухи белой и нежной?  
Прими же судьбою назначенный срок  
и в путь отправляйся поспешно.

\* \* \*

Сиянье женской красоты  
пусть радует нам глаз.  
Прекрасны мужества черты,  
когда не напоказ.

\* \* \*

Любовь таит свое очарованье,  
а без него так сердцу сиротливо:  
вот так же гаснет родника мерцанье,  
когда березки нет над ним счастливой.

\* \* \*

Неужто покажется небо пустым  
без туч и наскучит лазурь?  
Неужто и мир не представим иным —  
без войн и отчаянных бурь?

\* \* \*

Взглянуть на пик горы родной  
всегда ты будешь рад.  
Но может милая порой  
твой опечалить взгляд.

\* \* \*

О неужели из глубокой тьмы  
лицо твое сверкнуло мне луной?  
Здесь на земле с тобой рассталась мы,  
но образ твой витает надо мной.

\* \* \*

О как изменчивы судьбы и лица,  
Что направляет уверенно путь?  
Может верблюд на глазах превратиться  
в юркую мышку и в норку нырнуть.  
Может лягушка стать добрым батыром  
иль обернуться внезапно горой.

Что управляет таинственно миром,  
где начинаются трус и герой?

\* \* \*

Не ты ли, Природа, великая мать  
всего, что дыханием жизнь славословит.  
В тебе возрождаться, в тебе умирать,  
родная по духу, родная по крови.  
Как много прекрасных детей у тебя,  
и все же ответ человеку, Природа,  
зачем неразумное плачет дитя  
в минуту прихода, в минуту ухода?

\* \* \*

Легко-легко, как бы шутя,  
взошли зерна ростки.  
В игре созреет и дитя —  
как хлеба колоски.

\* \* \*

Слово — мудрому чечену.  
Сила — крепкому батыру.  
Кто из них сильнее в мире?

\* \* \*

В путь трогайся без лишней суеты.  
А вышел — так не вздумай повернуть.  
И не спеши, коль начал дело ты.  
А начал дело — о пустом забудь.

\* \* \*

С виду, может, он обычный человек,  
но душою он, как вепрь, глухой навек.

\* \* \*

Праздник скучен без байги, так говорят.  
А байга скучна бывает без наград.

\* \* \*

Берегись! Срежет меткою пулею месть,  
вдруг исполнится в горестный срок,  
коль созреет она, словно весть,  
и настигнет тебя, словно рок.

\* \* \*

Долину украшает блеск озер,  
а речь остроты красят с давних пор.

\* \* \*

Пусть тебе и мне исчезнуть суждено,  
но земля-то не исчезнет все равно!

\* \* \*

Старое — новому враг,  
Это известно давно.

Старшее — младшему друг,  
В жизни так заведено.

Старое путь преградит —  
Новое вступит с ним в бой.

Старость юнцов наградит  
Опытом, знаньем, судьбой.

Старому с новым — беда:  
Битвы известен конец.

Старость и младость всегда  
Рядом, как сын и отец.

## БОГАТСТВО

Мудрецов так учит братство:  
Овцы — малое богатство.  
Деньги — среднее богатство.  
Знанье — главное богатство.

Если вдруг случится джут<sup>1</sup>,  
Все стада твои падут.  
Охи-ахи там и тут —  
Деньги как в песок текут.

Только главное богатство  
В глубине души храня,  
Люди могут не бояться  
Ни воды и ни огня.

---

<sup>1</sup> Джут — массовый падеж скота.

## ЛЕТА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Десять — песик.  
Двадцать — белка.  
Тридцать — волк.  
Сорок — верблюд.  
Пятьдесят — награда.  
Шестьдесят — посох.  
Семьдесят — кочерга.  
Восемьдесят — мешалка.  
Девяносто — ступа.  
Сто — итог.

*Народное присловье*

В десять — радостный щенок,  
Вьется радостно у ног,  
Ласковый, игривый,  
Шумный, торопливый.

В двадцать — резвый, словно белка.  
Скачет быстро, ловко, мелко.  
Лето, осень и зима —  
Все прыжки да кутерьма.

В тридцать — ловок, словно волк.  
Из всего выходит толк.  
Хорошо идут дела —  
Жизнь прекрасна и мила!

В сорок — разум без причуд.  
Сам спокоен, как верблюд.  
Рассудителен, умен  
И по-прежнему силен.

Пятьдесят — судьбы награда,  
Ум и тело жизни рады.  
Человеческий зенит —  
Сердце радостью звенит.

В шестьдесят — любой философ.  
Шестьдесят — из золота посох,  
Золотой, да в три ноги  
Ты под горку не беги!

В семьдесят — иной удел:  
Вспоминать, как огонь гудел.  
Тыча кочергой в золу,  
Роем искр наполнить мглу.

Как в чугунном казане  
Зерна жарили на дне,  
Так обуглилась мешалка,  
Что и выбросить не жалко.

В девяносто полных лет  
Мил, как прежде, белый свет.  
Ляжешь в шубе на печи —  
И на молодость ворчи!

Сотня лет, исполнен век,  
Жизнь закончил человек.  
И с потомками твоими  
Да пребудет твое имя!

## ПРИТЧА О РАЗДЕЛЕНИИ ЖИВОТНЫХ

У коровы злые речи,  
Говорит: «Эй, человече!  
Не надейся зря на силу —  
Я найду твою могилу,  
Волю дам рогам сердитым,  
Растопчу твой прах копытом!»

Бородой тряся седою,  
И коза грозит бедою:  
«Как умрешь, приду я в гости,  
Разбросаю твои кости,  
На кладбищенской тропинке  
Изглодаю все травинки!»

Тут овечка молвит слово:  
«Другом быть тебе готова,  
Шерсть и мясо, жир и млеко —  
Все отдам для человека,  
Шкура в зимние метели  
Будет теплою постелью».

Конь вступает в разговор:  
«Через реку, через бор —  
Друга всюду я доставлю,  
Я собой его прославлю —  
Силой, статью горделивой,  
Крыльями и жесткой гривой!»

У людей живут под кровом  
Конь, овца, коза, корова.  
Нравом, сутью не одина  
Разномастная скотина.  
Люди все ж их любят равно,  
Холят, кормят их исправно.

Лишь одно у них различье  
Помнить нам велит обычай:  
У коня с овцою кроткой  
Теплые, сухие морды,  
У козы с коровой важной  
Морды холодны и влажны.

Потому при угощенье  
Первым жертвоприношеньем  
Служит в дар огню поныне  
Лишь баранина с кониной.  
Эта заповедь святая  
Не забыта на Алтае.

### ПРИТЧА О ВЕРБЛЮДЕ

Верблюд среди дороги  
Расставил прочно ноги.  
Погонщику переча,  
Ведет такие речи:

«Моим костям и жилам  
Все тяжести по силам!  
И страх перед пустыней  
Неведом мне поныне!  
Но этот груз совьючить  
Прошу с горбов могучих!»

И, люльку сняв пыхтя,  
Отец понес дитя.

### ПРИТЧА О КОШКЕ

Кошка дремлет целый день.  
С места сдвинуться ей лень.  
Но, заботами полна,  
Вот что думает она:  
«Если б не было детей,  
Мне бы стало веселей!»

Пусть они исчезнут вдруг,  
То-то не сойду я с рук!  
Все заботы — обо мне.  
Все дремоты — в тишине.  
Мне же — лучшая еда!  
Но детей девать куда?»

Зная про кошачью злость,  
На Алтае повелось  
В юрте кошку не держать,  
Не давать ей зря лежать,  
Как отловит всех мышей,  
Так во двор ее — взашей!

### ПРИТЧА О СОБАКЕ

Пес — хозяин двора.  
Любит его детвора.  
Он от незваных гостей  
Дом хранит и детей.

Любит он шум и гам.  
Рад хозяйским шагам.  
Он понимает всегда —  
Радость пришла иль беда.

Шаг его быстр и упруг.  
Он на охоте — друг.  
Можешь Алтай обойти,  
Друга верней не найти.

## ПЛАЧ СОРОКИ

Чийк, чийк, чийканак!  
Щука серая, глазастая,  
с длинною зубастою пастью,  
не найду дитя никак!  
Не могу дитя найти.  
Может, плот из камыша  
сделать, чтоб настичь в пути  
озорного малыша?  
Чийк, чийк, чийканак!  
По совету молодых  
гнездышко я кое-как  
здесь на веточках кривых  
деревца

свила шутя.

Щука с длинной острой пастью,  
видела ль мое дитя?  
Щука серая глазастая!  
Может, плот из тростника  
сделать, чтобы в водах вешних  
мою детку разыскать?  
Лью я слезы безутешно.  
Чийк, чийк, чийканак!  
Слову старших вопреки  
все я сделала не так,  
выбрав место у реки.  
Если б я гнездо свила,  
следуя совету старших,  
я бы слезы не лила.  
Как тоскливо мне и страшно!  
Лишь на крепкой и высокой  
ветке надо гнезда вить.  
Чтобы счастье сохранить,

следуй мудрости глубокой,  
если сам себе не враг,  
чийк, чийк, чийканак!

А так напевает мать своему ребенку после  
«сорочьего плача»:

А тебя, мое дитя,  
половодьем не подхватит.  
Ветер, вихрями крутя,  
не сорвет тебя с кровати.  
А когда ты подрастешь,  
если будешь на сороку  
глупым разумом похож,  
то ни в чем не будет проку.  
Старших слушайся всегда,  
спрашивай у них совета,  
и тогда тебя беда  
не возьмет на белом свете.  
Спи, сыночек, баю-бай,  
поскорее вырастай,  
мама песенку сплет,  
а сорока унесет.

### ПРИЧИТАНИЕ КОЗОДОЯ

Шыр-р-р-ау-у!  
Шыр-р-р-аа!  
Птица ночная,  
Вновь до утра

Над пастбищем стану  
Я — козодой —  
Низко летать,  
От печали седой.

У перепелки  
Птенцов не счесть.  
У дергача  
Их немало есть.

А у меня  
Было четверо их.  
Да змея проглотила  
Всех четверых.

Шыр-р-р-ау-у, тыбырык, —  
Это я свищу,  
Над землей стелюсь,  
Все птенцов ищу.

А чабан плетет,  
Не тая угроз,  
Будто видел сам,  
Что доил я коз.

Шыр-р-р-ау-у,  
Тыбырык, —  
Это мой в ночи  
Раздается крик.

следуй мудрости глубокой,  
если сам себе не враг,  
чийк, чийк, чийканак!

А так напевает мать своему ребенку после  
«сорочьего плача»:

А тебя, мое дитя,  
половодьем не подхватит.  
Ветер, вихрями крутя,  
не сорвет тебя с кровати.  
А когда ты подрастешь,  
если будешь на сороку  
глупым разумом похож,  
то ни в чем не будет проку.  
Старших слушайся всегда,  
спрашивай у них совета,  
и тогда тебя беда  
не возьмет на белом свете.  
Спи, сыночек, баю-бай,  
поскорее вырастай,  
мама песенку сплет,  
а сорока унесет.

### ПРИЧИТАНИЕ КОЗОДОЯ

Шыр-р-р-ау-у!  
Шыр-р-р-аа!  
Птица ночная,  
Вновь до утра

Над пастбищем стану  
Я — козодой —  
Низко летать,  
От печали седой.

У перепелки  
Птенцов не счесть.  
У дергача  
Их немало есть.

А у меня  
Было четверо их.  
Да змея проглотила  
Всех четверых.

Шыр-р-р-ау-у, тыбырык, —  
Это я свищу,  
Над землей стелюсь,  
Все птенцов ищу.

А чабан плетет,  
Не тая угроз,  
Будто видел сам,  
Что доил я коз.

Шыр-р-р-ау-у,  
Тыбырык, —  
Это мой в ночи  
Раздается крик.

## КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ ЗМЕИ<sup>1</sup>

Гусыне — гусенок отрада,  
Ягненка ласкает овечка,  
А я тебе, миленький, рада,  
Мой свертышек,  
Чудо-колечко.

В сторонке от волчьего воя  
И топи болота постылой,  
На пне, как кольцо голубое,  
Лежишь ты,  
Мой свертышек милый.

Как мил человеку детеныш,  
Ты мил мне,  
Мой ловкий сыночек,  
На ленту похожий змееныш,  
Что может свернуться в комочек.

---

<sup>1</sup> Где туман на зубья скал  
Лег, нагорие окутав,  
Эту песню записал  
Я в селенье телеутов.

## ПРИЗЫВАНИЕ ВЕТРА

### I

Дуй-ка, ветер, прямо к нам!  
Подарю тебе я шапку,  
шапку старую отдам  
и мякины дам охапку.  
Очень трудно без тебя.  
Мне зерно провеять надо.  
Для кочё<sup>1</sup> бы ячменя  
приготовить всем на радость.  
Белой шелухи отдам  
и отдам мякины гору.  
Прилетай быстрее к нам,  
прилетай же очень скоро!

### II

Почисть берестяную юрту  
и все пылинки прихвати,  
почисть и войлочную юрту,  
коль встретишь на своем пути.  
Всю пыль, и грязь, и все песчинки  
подальше унеси скорей.  
Расправь примятые былинки,  
прохладой ласковой обвей.

---

<sup>1</sup> Кочё — алтайское блюдо.

## СЛОВО ДЛЯ ИЗГНАНИЯ ИЛИ УСПОКОЕНИЯ ВЕТРА

Эй, старуха с желтым ликом,  
потуши костер.  
Улетай в порыве диком  
прочь в степной простор.  
Даже тлеющие угли  
в гневе затопчи —  
чтобы искры все потухли  
звездами в ночи.  
Ты мехами раздуваешь  
реюший огонь.  
Эй, хозяйка ветра злая,  
наш покой не тронь.  
Да пойми, мужчин отважных  
ты не устрашишь.  
Женщина коль слово скажет —  
первой замолчишь.  
Ты прикрой свои глазищи,  
сгинь в степи пустой.  
А не то тебя разыщет  
дух тоски крутой.  
Что ты юрты полог треплешь,  
скоро ль улетишь?  
Жертвенный дымок затеплим —  
дай покой и тишь!

## ЗАКЛИНАНИЕ ПОСЛЕ МАССИРОВАНИЯ СУСТАВОВ

*Лекарь бьет руками по земле  
и произносит:*

«Пусть тебя пронижет свет!  
Тьмы в твоих суставах нет!  
Позабудь про боль и страх,  
Тьма в земной уходит прах!  
Боли с нею все ушли  
Под девятый слой земли!»

## ЗАКЛИНАНИЕ ПРИ ПОПАДАНИИ СОРИНКИ В ГЛАЗ

Мне попала в глаз соринка!  
Мне попала в глаз пылинка!  
Птаха белая, скорей!  
Птаха синяя, быстрее!  
Посмотрите, помогите  
И соринку отыщите!  
Птахи мне спешат помочь,  
Уходи, соринка, прочь!  
Раз-два-раз!  
Прочь из глаз!

## КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ МАТЕРИ

Спи, любимый мой сыночек,  
баю-баю, дорогой.  
Даже самой темной ночью  
сберегу я твой покой.

В темноте ночной устало  
колыбель твою качну.  
В мире есть дорог немало,  
выбирай из всех одну.

Будешь ты, сыночек, вскормлен  
материнским молоком.  
Кап<sup>1</sup> я впрок наполню вскоре  
самым лакомым куском.

Где из шелка, где из ситца,  
к лоскуточку лоскуток,  
одеяльце, чтоб укрыться,  
я сошью тебе, сынок.

Эдигей<sup>2</sup> я приготовлю —  
молоко от двух коров  
принесу домой с любовью,  
будешь ты, сынок, здоров.

А из шкуры мараленка,  
что всегда берется с ног,  
для тебя, родной мальчонка,  
будет мягкий сапожок.

Аарчи я приготовлю —  
молоко шести коров  
принесу домой с любовью,  
будешь ты, сынок, здоров.

Пусть резвится жеребенок  
и копытцем бьет в степи.  
Голосок твой милый звонок,  
баю-бай, сыночек, спи.

---

1 Кап — кожаная сумка.

2 Эдигей, аарчи — молочные творожные изделия.

Жеребенку-аргамаку  
лунокрылым стать конем.  
Трав священным ароматом  
я окуривала дом.

Будь же ты, мой сын, достоин  
и народа, и отца.  
Спи, добра прекрасный воин,  
тьма отступит от лица.

**НОЧНОЕ СЛОВО РЕБЕНКУ,  
ЗАПЛАКАВШЕМУ СКВОЗЬ СОН ОТ ЖАЖДЫ**

Мышка белая придет,  
Молочка нам принесет  
От коровки белой.  
Выпьешь — будешь смелый!

Мышка синяя придет,  
Молочка нам принесет  
От коровки синей,  
Выпьешь — будешь сильный!

И без мышек нет беды,  
Дам я сам тебе воды,  
Дам воды студеной,  
Будешь ты ученый!

## ПЕСНЯ О КНИГЕ СУДУР<sup>1</sup>

Золотой сундук хранит  
Шелк, прохладный, как луна.  
Книгу сердце мне хранит —  
Как из золота она.

В сундуке из серебра  
Шелк блестит, как солнца свет.  
Так в душе моей сутра  
Льет серебряный свой свет.

\* \* \*

Что сладостней всего, ответь? —  
всего нам слаще сон.  
Что горечь шлет со всех сторон? —  
всего нам горше смерть.

Что мягче, что всего нежней? —  
лишь матери рука.  
Что жестче, что всего острей? —  
по родине тоска.

А что для нас всего сильней? —  
хлеб, что едим всегда.  
Что, вещее, всего бодрей? —  
лишь наше сердце, да.

---

<sup>1</sup> Судур, сутра — книга сказаний.

Что самым тонким назовешь? —  
души багряной нить.  
Мгновенье можно ль сохранить? —  
жизнь — миг, пока живешь.

Что истинно великим звать? —  
путь, где лежит завет.  
Что в вечном будет пребывать? —  
Алтай, Сумеру<sup>1</sup> свет.

### ВОЗЖИГАНИЕ ОГНЯ

О приди, Огонь,  
ярче возгорись!  
Протяну ладонь —  
поднимайся ввысь.  
Алый, золотой,  
встань передо мной!  
В дымоход скользни  
яркою звездой  
и в лицо плесни  
жаркою волной.  
Я к тебе, Огонь,  
всей душой стремлюсь,  
протяну ладонь —  
кююс<sup>2</sup>, кююс!  
Из золы сейчас  
вновь живым восстань  
и прими от нас  
уваженья дань,

---

<sup>1</sup> Сумеру — гора Белуха.

<sup>2</sup> Кююс — ритуальное восклицание.



## ПЕСНЯ БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ МОЛОДОЖЕНАМ

Пусть будет всяким добром поскорей  
полон сундук золотой.  
Пусть веселится народ у дверей  
с лунной узорной тамгой.

Пусть будет полон добра поскорей  
из серебра сундук.  
Пусть у сияющих солнцем дверей  
народ соберется в круг.

## ПЕСНЯ, ПОД КОТОРУЮ РАСЧЕСЫВАЮТ ВОЛОСЫ НЕВЕСТЕ

Занавес из шелка и парчи  
надо очень крепко привязать.  
Черный бархат — волосы твои,  
надо их с любовью расчесать.

Занавес из шелка прикреплен,  
и прочна шнура витая нить.  
Волосы твои мягки, как лен  
надо их на пряди разделить.



## ПЕСНЯ ПРИ ВЫДЕЛКЕ КОЖИ

Шкуру твердую овечью  
я руками разомну.  
Не трудилась бы, так вечно  
знала бы нужду одну.

А из толстого сафьяна  
вышитый чепрак сошью.  
Буду я работать рьяно,  
лютый голод отгоню.

## ПОХВАЛА ЖЕНЩИНЕ-МАСТЕРИЦЕ

Ты от края и до края  
шов с изнанки поведешь.  
И легко, словно играя,  
вдруг иголкой сверкнешь.

Синевою отливая,  
пусть иголка тянет нить.  
Прочно шов соединяя,  
все, что хочешь, сможешь сшить!

И не зря в народе слава  
о твоих руках идет.  
Воздают тебе по праву  
уваженье и почет.

Соберешь умело шубу,  
кошмы, мягкие ковры  
служат всем — и видеть любо  
рукоделия дары.

## НАСТАВЛЕНИЕ ОТЦА СЫНОВЬЯМ

На солонец мы пришли на рассвете,  
было свежо. Напоследок меня  
славно порадовали дети.  
Как подросли вы, мои сыновья!  
Выстрелом метким косулю свалили —  
вот и в дорогу гостинец тайги.  
Вижу, уроков моих не забыли.  
Пусть будут твердыми ваши шаги:  
завтра уедете в город далекий,  
на год расстанемся, дети мои.  
...Летом в дожди или на солнцепеке  
вы нам работой своей помогли.  
С матерью вашей мы вами довольны:  
вместе со мною, покинув дом,  
коней табуны пасли на раздолье,  
в горном Куюме.  
Успели потом  
труд разделить материнский нелегкий —  
на зиму сена впрок запасти.  
В грозы лихие с привычной сноровкой  
жаркий костер могли развести.  
Под мощным кедром слепыми щенками  
не прятались, в страхе пугливом дрожа.  
Но быстрый огонь у вас под руками  
тьму пробивал, как ударом ножа.  
Не забывайте учебу тайги!  
И потому в интернате  
знаний добро до последней строки  
берите и умножайте.  
Надо о солнце и о луне,  
о выходе в космос знать.  
О морях-океанах, чужой стороне  
сможете вы прочитать.

Грамоту леса и письма зверей  
на белой бумаге снегов  
мудро читайте. И будьте смелей,  
пролагая тропу из слов.  
Не забывайте примет, сыновья,  
чтобы не жить наугад:  
если бежит бурундук, вереща,  
это к дождю, говорят,  
если туман поднимается вверх —  
вскоре рассеется он.  
Пусть вам сопутствует в жизни успех,  
тропа не пойдет под уклон.  
Густ, непролазен склон Адагана,  
не забывайте отцовский наказ.  
Я повторять его вам не устану,  
годы чужими не сделают нас.  
Но главный язык — язык молока,  
которым вскормила вас мать:  
да будет речь души глубока,  
чтоб правду от лжи отличать.  
Помните, дети мои, всегда,  
как птица крылья свои,  
я стираю руки свои  
через миры и года...  
Не забывайте дороги назад —  
к роднику ладони моей.  
На этих мозолях твердо стоят  
вехи грядущих дней.  
Но терпкая горечь и радость моя,  
как теста густого замес, —  
в вас навсегда — как священный наш лес,  
как наш Адаган, сыновья,  
откуда стекает звенящий исток,  
в дорогу пора —  
приходит вам срок.

## ОБРАЩЕНИЕ ОХОТНИКА К РОДОВОЙ ГОРЕ

Мать-отец, тайга золотая моя,  
На тебе доха горностаевая!  
До сих пор ты обильная самая,  
С давних пор родовая тайга моя!

Под крылом зимы ты совсем иным —  
Плавным стал, Алтай, и серебряным.  
Грудь, как ветер в ночи, загудела моя,  
И тайгу душа облетела моя —  
Срок пути вести, поохотиться,  
О семье в зиме позаботиться.  
Не с забавою я к тебе иду,  
Помоги, тайга, пережить беду —  
И голодную, и морозную  
Зиму долгую, зиму грозную!

Переправы мне положи, тайга,  
Перевалы мне укажи, тайга.  
Чтобы не искал, выпускай скорей  
Из-за пазух скал семьдесят зверей!  
Пусть в руках ружье не качается,  
Пусть в силки зверье попадается.  
Нет в моем роду сердца хищного —  
Не возьму, тайга, лишнего.  
Одари, тайга, по обычаю,  
От щедрот своих нас добычею!

Золотая тайга моя с темным ельником,  
Ты пропахла вся можжевельником,  
На тебе доха горностаева,  
Ты в моем роду почитаема!  
Ты прими, тайга, мой поклон земной —  
Ты взрастила нас, как отец родной.  
Как тебя, тайга, не благословлять —  
Ты вскормила нас, как родная мать!



## СЛОВО ОГНЮ ПОСЛЕ УДАЧНОЙ ОХОТЫ

Смело взвейся в этот час  
ввысь, огонь, алас, алас!<sup>1</sup>  
Жарким пламенем восстань.  
Видишь, уваженья дань  
мы тебе приносим вновь.  
Пусть дымится мяса кровь,  
брызнем чаем, молоком.  
Окурим тебя дымком —  
вереск с горных диких круч  
ароматен и пахуч.  
Угощайся, От-Эне,  
будешь ты сыта вполне.  
Взвейтесь, сорок языков,  
тридцать огненных голов!  
Взвейся, наша Дева-Мать,  
дай глазам тебя узнать.  
Ты в шелку из алых струй —  
оп-куруй, оп-куруй!

Мы ходили по горам,  
счет теряя трудным дням.  
Мы искали птиц, зверей.  
Стал нечетким след ступней  
ослабевших наших ног.  
Каждый станом изнемог.  
Вся одежда отсырела,  
и обутки в самом деле  
мокрыми от снега стали.  
Мы замерзли и устали.  
О согрей нас, От-Эне,  
на своем примчись коне.  
С нами ты всегда добра,

---

<sup>1</sup> А л а с, о п-к у р у й — восклицания огню.

быстрой молнии сестра.  
Взвейся, шелк багряных струй,  
оп-куруй, оп-куруй!

Впрочем, честно говоря,  
были мы в тайге не зря.  
И удачей через край  
одарил нас Кудан-Бай<sup>1</sup>.  
Зверь когтистый — сам медведь —  
приходил на нас смотреть.  
И рогатый зверь — марал —  
пулей скошенный упал.  
Зверь пугливый — кабарга —  
в нем добыча дорога:  
ведь достоин слов хвалебных  
мускуса комок целебный.  
И не счесть других зверьков —  
белок, зайцев, колонков.  
В общем, мы не дали маху.  
Мы поймали росомаху —  
то разбойница была,  
к нам припасы съест пришла.  
От-Эне, испей сначала  
кровь горячую марала,  
и косули печень съешь —  
лакомый кусочек свеж.  
Видим светлый лик в огне —  
ты ждала нас, От-Эне!  
Мы пришли к тебе с дарами,  
так возрадуйся же с нами,  
в золотом багрянце струй,  
оп-куруй, оп-куруй!

---

<sup>1</sup> Кудан-Бай — покровитель охоты.

Не дадим тебе узнать  
голода, о Дева-Мать!

Не дадим тебе остыть,  
не дадим дождям залить.  
Ты готовь нам вкусно пищу,  
жарко согревай жилище.  
Чаю мы наварим здесь,  
мяса будем вдоволь есть.  
Будешь с нами, От-Эне,  
слушать быль о старине.  
И очаг твой пусть вовек  
не разрушит человек.  
Взвейся шелком алых струй,  
оп-куруй, оп-куруй!



## КЛИКИ ДИКОГО ГУСЯ

Вниз по Катунь над темной волной  
гаснут печальные клики.  
Гусь одинокий летит над рекой,  
крылья печально поникли...

*Из алтайской старинной песни*

\* \* \*

Вновь принял меня Ярославский вокзал  
в кипящий толпой муравейник,  
знакомую станцию кто-то назвал,  
и замер я вдруг на мгновенье.

И вспомнилось мне, как на станции Лось  
мы жили с тобою, не зная,  
что в будущем быть нам не вместе, но врозь.  
Как славно мы жили, родная,

в Москве, у дороги ее кольцевой,  
где рядом лесная поляна,  
в кругу тишины, под небес синевой,  
не зная беды и обмана.

На станции с дивным названием Лось  
лосей не найти и в помине.

Зачем мне так горестно отозвалось  
счастливое прошлое ныне?

Припомнил я шум электричек сквозных,  
себя на скамейке вагонной,  
твой профиль, что, нежно сияя, возник,  
над стопкой тетрадей склоненный.

Задумался я, и сквозь облако дней  
твой взгляд, оживления полный,  
твоих подопечных — рабочих парней,  
вечернюю школу напомнил.

А помнишь землячества радостный круг  
по праздникам в нашей квартире?  
...В толпе на вокзале очнулся я вдруг,  
один в торопящемся мире.

И мне захотелось сквозь толщу годов  
пройти, как сквозь толпы людские.  
Войти в электричку? — и я был готов  
увидеть места дорогие.

Ты к прежней себе не вернешься, а я  
так в прошлом душою, что трудно  
жить в нынешнем дне, забывая тебя,  
но помня, но помня подспудно.

И надо ль на станцию Лось приезжать?  
Что толку в названье прекрасном!  
Здесь прошлое нам уже не отыскать,  
и звать его тоже напрасно.

Но дети тебе, пусть потом, не сейчас,  
напомнят меня без сомненья:  
две пары смотрящих из прошлого глаз —  
как наше с тобой отраженье.

\* \* \*

Мои дети — две жемчужинки,  
ничего дороже нет.  
Ты ль, сыночек, ножкой узенькой  
протоптал на сердце след?

Слезный жемчуг драгоценный  
не дает легко уснуть,  
камнем став обыкновенным,  
лег всей тяжестью на грудь.

\* \* \*

О если б знать мне правила разлуки,  
чтоб их нарушить встречу с тобой!  
Несет стремленье нас в напрасной муке  
по движущейся лестнице крутой.

К тебе я обращаю взгляд с надеждой,  
ты, опустив печальные глаза,  
так медленно летишь ко мне, как прежде,  
о, как тогда, как много лет назад.

О если б знать мне правила разлуки!  
На движущейся лестнице крутой  
за поручни схватились наши руки,  
я спрашиваю взглядом: «Что с тобой?»

Теченьем нас уносит друг от друга.  
И вновь ты головы не повернешь?  
Ударило волной меня упругой,  
пронзила сердце ледяная дрожь.

В метро мне показалась вдруг похожей  
та незнакомка на мою жену.

И я на миг в той прежней жизни ожил,  
где я любил, любил ее одну.

\* \* \*

Я по давней привычке забрел в магазин,  
чтобы выбрать ребенку игрушку,  
но очнулся, вдруг вспомнив о том, что один  
я остался, что дом мой разрушен.

Дети малые быстро растут, говорят,  
но вдвойне сознать тяжелее,  
что детей моих прежними помнит мой взгляд:  
как я их бесконечно жалею...

\* \* \*

В двухтысячном году мой сын войдет  
в прекрасный возраст зрелого мужчины.  
Тысячелетья нового восход  
ознаменуют новые причины.

Кем станет к двадцати семи годам  
мой сын, поймет ли путь отца родного?  
Прими, мой сын, я все тебе отдам:  
Алтая дух, его живое слово.

\* \* \*

Снова глаза ее вижу воочью,  
как они искренни, как глубоки.  
Пряди волос ее, в темени ночи,  
льются, касаясь моей щеки.

Память моя, ты не знаешь забвенья.  
Это не мечь, но печальный исход  
той нелюбви и того отчужденья,  
что за любовью порою живет.

Как мы от прежних себя удалились,  
как заблудились в потемках души?  
Мы ли с тобою друг к другу стремились,  
мы ли спустили себя за гроши?

И не сумели понять в ослепленье,  
что не вернуть нам потерю свою.  
Вспыхнуло нашей судьбы озаренье —  
память, помедли у тьмы на краю.

Словно бы поезд навстречу промчался,  
в разные стороны нас развело.  
Чудо того невозвратного часа  
с юностью нашей навеки ушло.

\* \* \*

На зеркале слой нежной пыли,  
И оттого неярок блик.  
Мои зеркала позабыли  
Твой давний, ненаглядный лик.

А я смотрю и все не верю...  
Давно стереть бы эту пыль.  
Сотру, когда смирюсь с потерей,  
В печальную поверив быль.

\* \* \*

Отчего же ночами глухими  
вижу сон об одном,  
и путями лихими  
входит боль о родном.  
...Вот скалистые гребни  
отчей горы Бабурган.  
Льется воздух целебный.  
Этот сон в утешенье мне дан.  
Это только мечты:  
по зеленому склону  
голубые цветы,  
юркий, как косуленок,  
там играет мальчонка,  
мой сынок дорогой.  
Вот смеется он громко,  
вот он машет рукой.  
...Лук натянут. И рядом  
сын стреляет в мишень.  
И чему-то мы рады,  
сын с отцом в этот день.  
Но откуда картина,  
что вторгается в сон,  
если лук тот старинный,  
состязания звон  
мне совсем не известны  
и до этой поры  
не был с сыном я вместе  
у тодошской горы?

\* \* \*

Дикий гусь одинокий...

*Ду Фу. VIII век*

В жизни нам только однажды  
полная мера дана  
и утоленья, и жажды.  
В чем же моя вина?

Юные годы, как реки,  
в русло большое вошли,  
слившись в одном человеке,  
чтобы исчезнуть вдали.

В пору студенческой жизни  
наша возникла семья.  
Радость удачи капризной  
вспомним и ты, и я.

Было в кармане не густо —  
звонко звенели сердца.  
Не было места для грусти,  
свет исходил от лица.

Не было зла и раздора,  
мы не боялись невзгод,  
не уставали в ту пору  
от повседневных забот.

Искренне времени верил,  
честно жене доверял.  
Был я счастливым без меры,  
только об этом не знал.

И напевал постоянно  
старую песню о том,  
как дикий гусь безымянный  
плачет о счастье былом.

Полные светлой печали,  
часто слова я твердил,  
словно бы в самом начале  
счастье свое упустил.

Были предчувствием дальним  
строчки старинных стихов.  
Не понимая печали,  
стал я к печали готов.

— Нам предрекаешь разлуку! —  
часто шутила жена.  
Горькую тайную муку  
первым я выпил до дна.

Если б вернуться в ту пору,  
знать, что ответить тебе —  
нежному грустному взору,  
прежней единой судьбе.

\* \* \*

Предвещает осенние дни  
светлый облик дикого гуся.  
Гаснут в небе, словно огни,  
клики долгие, полные грусти.

Он летит на границе небес,  
задевая за горные гребни,

и, роняя перо в темный лес,  
он единой надеждою крепнет.

И усталость его не к добру,  
и роняет он белые перья.  
На холодном свистящем ветру  
сохранил он к подруге доверье.

Клики долгой печали летят —  
горы эхом глухим повторяют.  
Дикий гусь, в дальнем небе мой взгляд  
пусть тебя никогда не теряет...

\* \* \*

Лишь теперь разгадал я  
любимые строчки поэта.  
Помню птиц над долиной Катунь,  
спешивших на юг улететь.  
Если б знать мне тогда,  
что исполнится эта примета!  
Но старинная песня  
умеет печалью согреть.  
В наши дни, что поделать,  
разлука не редкой бывает.  
Мне остывшие угли души  
ворошить ни к чему.  
А в саду подмосковном  
соловей так поет,  
словно знает  
то, чего я никак,  
то, чего никогда не пойму.

\* \* \*

Пришла зима сегодня в ночь,  
И ты приснилась мне.  
И снова уходил я прочь  
В метельной пелене.

Снежинок равнодушный рой  
Кружился до утра.  
И я просил во сне: укрой  
Меня, Зима-сестра!



# ВРАТА ТАМЕРЛАНА

## ТАШКЕНТЦАМ

Неужто здесь свирепая стихия  
Безумствовала, как могучий зверь?  
Отстроен город, и следы лихие  
Исчезли — хоть глазам своим не верь!

Восстал Ташкент, как богатырь из сказки,  
Как Алпамыш — смертям наперекор.  
Смущенная стихия норов тряский  
Упрятала в глубины старых гор.

Друзей моих улыбки белозубы —  
Любое дело по плечу таким.  
Улыбкой отвечают мои губы.  
«О, братья!» — гулко сердце вторит им.

## ГОЛОДНАЯ СТЕПЬ

Голодная степь объяснит,  
Что значит для жизни вода.  
Притянет твой взгляд, как магнит,  
Соленая почва-слюда.

Здесь солнце спалило дотла  
Все то, что пыталось расти.  
И время мело, как метла,  
Золу с векового пути.

И все же вздыхать погоди.  
Шоссе делит мир пополам.  
Теперь вон туда погляди,  
Порадуйся нашим делам!

Бескрайние хлопка поля,  
Журчит по каналам вода.  
И щедрая кормит земля  
Селения и города.

## АЛТАЙСКИЙ ТЮРК

«...Век шестой. Дворцовые раздоры.  
Зашатался самаркандский трон.  
И с Алтая — есть такие горы —  
Тюрки подошли со всех сторон...»

Так туристам бойко объясняла  
Девушка-узбечка, юный гид.  
И толпа доверчиво внимала,  
Созерцая гида нежный вид.

Говори помедленней, узбечка,  
Наши языки одних корней!  
Мне понятно каждое словечко,  
Только речь твоя куда нежней!

Я и сам ведь из глубин Алтая...  
И у нас гора есть Самаркан...  
Но не саблей вострою блистая,  
Заявился я теперь в Туран<sup>1</sup>.

Что мне слава бранная Тимура,  
Если мне дороже Улугбек!  
Ведь войною бредят только сдуру —  
Нынче на дворе двадцатый век!

Дай скажу-ка на своем наречье:  
«Улугбеку было жить теплей,  
От того, что грела его плечи  
Шуба из алтайских соболей!»

## САМАРКАНД

Узор минаретов — зменная кожа.  
Халаты — на зависть сорочьей красе.  
И так на восточные сказки похожи  
Веселые краски пустых медресе.  
Троллейбус по улочке едет старинной,  
И старцы почтенные в каждом окне.  
Вот так же, наверное, важно и чинно  
Мог каждый старик восседать на коне.  
Их лица спокойны и невозмутимы.  
Чалмы белоснежной белей борода.  
Как будто пожаров и черного дыма  
Не ведала эта земля никогда.

---

<sup>1</sup> Туран — так в древности называлась часть Средней Азии, населенная тюркоязычными народами, — современные Узбекистан, Казахстан, Туркмения, Киргизия.

И словно не знала нашествий и плена,  
Ни свиста плетей и ни пения стрел...  
Но знала, что снова восстанет из тлена, —  
Таков у земли этой вечной удел.  
...А вот на горячий асфальт Регистана  
(Глазеют приезжие: «Ну, чудеса!»),  
Толкая осла пред собой неустанно,  
Въезжает арба — два больших колеса.  
Устаз<sup>1</sup> ею правит. Коричневые руки,  
Под солнцем вспотевшая шея крепка.  
Вбирает, как воздух, все краски и звуки  
Открытая осени грудь старика.  
Спешит на базар он, где толпы народа.  
И думает он о крестьянских трудах.  
О том, что устроена мудро Природа.  
О том, что напрасен был старости страх.

## ГУР-ЭМИР

Так вот в какой гранитной колыбели  
Тимур свой буйный нрав смирил навеки!  
А рядом с дедом в каменной постели  
Спит вечным сном великий Улугбек.

Был грозный дед разбойник и воитель,  
Считал войну началом всех начал.  
А внук его — ученый и строитель,  
Вселенную по звездам изучал.

---

<sup>1</sup> Устаз — мастер, ремесленник (узб.)

<sup>1</sup> Гур-Эмир — усыпальница древних правителей Самарканда Тимура (Тамерлана) и Улугбека.

И вот теперь в прохладном полумраке  
Хранят их сон гробницы купола.  
Затейливы арабской вязи знаки:  
Тому хвала. И этому хвала.

И как понять нам тайну погребенья?  
Ведь в этом склепе вместе сведены  
Два символа извечного боренья:  
Дух светлый мира — темный дух войны.

И внук, и дед... Мудрец — и полководец...  
Молчит бездонный времени колодец.

## ВЕЧНАЯ МЕЧЕТЬ

Встает мечеть Биби-ханым прекрасной,  
Как символ красоты, через века.  
И краски смыть пытается напрасно  
Со стен мечети времени река.

Как память о любви и о гордыне  
Ее велел воздвигнуть Тамерлан.  
Тот вечный дар жене стоит поныне,  
Чтоб знали, как умел любить султан.

Свирепой бурей промчались годы,  
Сметая троны, царства, города.  
Где прежние владенья? Где народы?  
Где тот, кто их всю жизнь сгонял сюда?

Нет Тамерлана. Нет его владений.  
В земле изъеден ржавчиной тесак.

Сгорев дотла, рассыпались поленья  
На угольки — звать, тесен был очаг.

Но все еще стоит мечеть из глины,  
Со Временем побившись об заклад.  
Сияют бирюзой ее руины  
И видят люди шесть веков подряд,

Что на земле одна держава вечна.  
Любовь ей имя. Нет у ней конца.  
Что сквозь поток столетий быстротечный  
Ее несут живых людей сердца.

## СЕРДЦЕ САМАРКАНДА

Рассыпаны стены в руины  
Дыханием знойных веков.  
Но крепче, чем стены те, спины  
Идущих в толпе стариков.  
Их смуглые добрые лица  
Сработал старинный чекан.  
Не с ними ль пытался сразиться  
Их сверстник, монгол Чингиз-хан?  
Забыто название рода.  
И воинский клич позабыт.  
Лишь в памяти генного кода  
Стихающий грохот копыт.  
Мечети, как тени былого, —  
Истории красочный дар.  
И Площадь, где снова и снова  
Клокочет гигантский базар.

Базарная старая Площадь!  
Как сердце — за выдохом вдох —  
Качаешь и денно и ночью  
Ты кровь государств и эпох.

## ЦЕНА ТРУДУ

Слова: «Восток — владенья торгаша»  
Не стоят даже стертого гроша.

Взгляните: это все, за веком век,  
Трудом упорным создал человек.

Земля признала здесь его труды:  
Куда ни глянь — везде цветут сады.

И даже зною — сторожу пустынь —  
Он приказал: «А ну-ка, брат, остынь!»

И там, где раньше правила беда,  
Белеет хлопок и журчит вода.

Но славен древний край Узбекистан  
Не только трудолюбием дехкан.

Работают, не покладая рук,  
Питомцы муз, служители наук.

Потомки Авиценны, Навои  
Вершат упорно здесь труды свои.

Вот, скажем, физик, Улугбека внук —  
В Москве прошел свой первый курс наук.

Так кто же, против истины греша,  
Сказал: «Восток — владенья торгаша»?

В стране моей цена труду одна:  
Трудом людей красна моя страна!

## ИМЯ

Отшумели ташкентские встречи.  
Я простился с друзьями своими.  
Буду помнить их облик и речи.  
И еще буду помнить я имя.  
Вижу в ваших глазах знак вопроса.  
— Это имя поэта и друга  
Из далекого племени Коса  
С африканского черного Юга.

— Что за имя? — меня вы спросили.  
— Кеорапетсе Кгоцитсиле!

Да, мне тоже казалось сначала  
Это имя рекою без брода.  
Этим именем громко кричала  
Боль звенящего цепью народа.  
А хотите ли знать, как поэта  
Звали белые в Африке жаркой?  
Что короче, чем кличка эта —  
Поводок полицейской овчарки?

— Что за кличка? — меня вы спросили.  
— Вилли!

## ТУРКЕСТАН

Я в летописном сумраке блуждал,  
Свой путь верша сквозь сполохи огней.  
Я встречи со страной этой ждал,  
И вот я наяву встречаюсь с ней.

Тут сретенье эпох, народов, рас.  
Здесь солнца азиатского лучи  
Спекают в новый сплав их каждый раз,  
Как глину, камень, и песок в печи.

Ворота Тамерлана — две скалы.  
Теперь меж ними ходят поезда.  
И шпалами давно лежат стволы  
Деревьев, бывших семенем тогда.

Я напрягаю мысленный свой взор:  
В толпе, века назад, не я ль спешу?  
И, разведя дорожный свой костер,  
Не я ль друзей своих к огню прошу?

...Писатели почти со всей Земли  
Приехали сегодня в этот край.  
Веселым ревом — с ног-то не вали! —  
Встречает нас дуда, труба-сурнай.

Шумит, танцует, дарит громкий смех  
Ночная площадь — старый Регистан.  
Сегодня хватит места тут для всех,  
Гостей встречает вновь Узбекистан!

...И все-таки бывал здесь предок мой,  
Я многое здесь смутно узнаю.  
А может быть, отсюда он домой  
Привез прапрапрабабушку мою?

Со мною говорят всю ночь друзья.  
Как схожи наши чудо-языки!  
Им про Алтай рассказываю я.  
Степенно мне кивают старики.

Мы едем в степь на следующий день.  
Голодной степью звал ее народ.  
Теперь здесь летом от деревьев тень,  
Через канал не перебраться вброд.

Об ирригации мне толковал  
Араб багдадский — видно, знает толк.  
Эмир Кутейба<sup>1</sup> в нашу речь встревал  
И гнал на тюрков свой засадный полк.

Да, с той поры прошло — дай сосчитать! —  
Не мало и не много — тыща лет.  
Но прошлого далекого печать  
Помеха ли для дружеских бесед?

Как благодарен я своей судьбе,  
Когда, оставив прошлое вдали,  
Пришел и я, Узбекистан, к тебе,  
Чтоб обрести друзей со всей Земли!

---

<sup>1</sup> Эмир Кутейба — один из арабских вождей вре-  
мен исламизации Средней Азии (IX в.).



# ЧУЙСКИЙ ЦВЕТОК

## ДВА ЯБЛОКА

Противоборство  
или отраженье?  
Двух яблок аромат  
свежей вдвойне —  
как двух сердец  
внезапное решенье,  
когда судьба с судьбой  
наедине.  
И две свечи —  
как зеркало друг другу.  
Струя зерна  
течет под жернова.  
Судьба вершится  
по второму кругу  
(спасибо ей,  
она права, права)...  
На улице  
в толпе-водовороте  
сумеет ли друг друга отыскать?  
В метро  
иль на случайном повороте  
как нам в лицо  
свою судьбу узнать?  
А если мы  
не встретимся,

а если  
уже не скленть  
прошлого разлом?  
Но близится  
рождение нашей песни...  
Пришло к нам время  
думать об одном.  
Пришло к нам время  
нежности пьянящей.  
Оттаивает сердце,  
как земля.  
Но голос грусти  
в радости звенящей  
тревожит вновь,  
о жалости моля.  
В звучании  
старинного органа  
торжественны  
и радость, и печаль.  
О будущем  
мечтать пока нам рано,  
еще нам с прошлым  
расставаться жаль.  
Ведь две свечи —  
друг другу отраженье.  
Ведь свеж и чист  
двух яблок аромат.  
От нас уходит  
время разрушенья,  
и скоро светом  
будет полон взгляд.



## ПОСЛЕДНИЙ МОСТ

Ты — мой последний спасительный мост.  
Я перейду на таинственный берег:  
вечная женственность, путь был непрост,  
были находки в нем, были потери.

Я — твой последний спасительный мост.  
Ты обретаешь мужскую защиту.  
Путь твой ко мне был неглазок, непрост,  
пусть все плохое будет забыто.

Что нам чужие огни, берега,  
что нам блужданье средь дальних становий.  
Я тебе дорог, ты мне дорога.  
Горесть привычна нам, радость нам внове.

Пусть берега не обрушатся вдруг,  
пусть наши судьбы соединятся,  
пусть нас очертит радости круг,  
боль отойдет и сердца прояснятся.

Мы по печалям ступаем своим.  
Каждый наш шаг достается непросто.  
Прежних ошибок мы не повторим.  
Мост мой последний, спасительный мостик...

## СВЯТОЙ КОЛОДЕЦ

Пускай травой забвенья зарастет  
тропа ошибок и блужданий наших,  
пускай исчезнет жестких споров счет  
для нас с тобой, другой беды не знавших.

Вдоль Киевской дороги мы пошли,  
досадный груз обиды мы копили.  
Но в этот день себя мы обрели,  
едва не потерявшись в ложном пыле.

Какая сила нас с тобой вела  
в тот день к источнику Святой Колодец?  
Сама любовь простерла два крыла,  
чтоб нас утешить, жаждущих, голодных.

Ведь наша суть друг в друге, понял я.  
Как были слепы мы, уничтожая  
разнообразье красок бытия,  
себя послушно к счастью приучая.

Обычай древний вспомнив в этот миг,  
я воду зачерпнул в свои ладони.  
Твой светлый и неомраченный лик  
явился мне в лучей хрустальном звоне.

Что наши ссоры? Мы с тобой одно.  
Ведь связаны мы сердцем, не рассудком.  
Пусть будет нам с тобою суждено  
Отныне верить вечности — не суткам.

Обычай наших предков был хорош:  
друг другу дать испить святой водицы.  
И мы с тобой могли бы ни за грош  
по пустякам своей любви лишиться.

Сказать по правде, в том глотке сквозил  
чуть слышно привкус ржавчины болотной.  
Но в этот миг нашел я столько сил,  
нашел тебя — с водой святой, бесплотной!

Ну что ж, родная, потерпи чуть-чуть,  
придем с тобой к алтайскому аршану.  
Не заблуждений — возвращенья путь  
открылся нам. И я другим не стану.

На дальней Чуе у Ийык-горы  
родник чистейший меж камней струится.  
Ты подожди до лучшей той поры,  
ведь наша радость — чистая страница...

#### ВЕСНА 1977 ГОДА

Пусть спит подруга молодая.  
Я в предрассветный час проснусь.  
Дождю шумящему внимая,  
забуду и тоску, и грусть.

И сосны слушают со мною  
невнятный шепот капель, струй.  
О жизнь, пришедшею весною  
вновь удивляй и вновь чаруй!

А сколько было разных весен,  
как вместе с ними ожидал  
того, что не наступит осень, —  
своей дороги я не знал.

Что доброго во мне осталось  
от той любви, от прежних дней?  
Все заросло: и боль, и жалость,  
мне стало многое ясней.

И если вновь душа ликует  
и радуется вновь весне —  
лишь потому, что вот такую,  
тебя, обрел я в тишине.

Дым можжевельника курится  
вверх струйкой сизой, голубой.  
Пуškai тебе спокойно спится.  
Все лучшее пришло с тобой.

...Запели птицы, возвещая  
конец дождя и ясный день.  
Кукушку слушаю, считая,  
смеюсь: ей куковать не лень...

Туман упал, скользя по травам,  
белеет, словно молоко.  
Благословение на славу  
весна дарует нам легко.

## СОСНА

Два века с той поры прошло...  
Алтай вступил на путь заветный —  
в правление Елизаветы  
встал под российское крыло.

Так по прошенью своему  
народ спасен был от разора —  
от полоненья и позора.  
Честь и хвала его уму!

Вела строительство дворца  
в те времена Царица-Дева.  
Вдруг бросила его — что делать? —  
он не достроен до конца.

За что в немилость впал дворец?  
Он красотой своей пленяет.  
И мы с тобой, забот не зная,  
ему дарили жар сердец.

«Смотри, там деревце растет», —  
ты удивленно мне сказала.  
Но восхищение и жалость  
перед такой судьбой не в счет.

Невелика была сосна,  
на кладке кирпича, на крыше.  
Как выросла она — всех выше,  
на камне, грустная, одна?

А парк вокруг шумел листвою,  
полупрозрачной, нежной, майской.  
Все впитывало жадно краски,  
дышало свежестью лесной.

Тепло и воля, тишина...  
Но думал я: не в этом чудо,  
а в том, что близкой, а не чуждой  
была мне тонкая сосна.

Я думал: так же наш народ  
взошел на горы, чтобы выжить, —  
шел от врага все выше, выше,  
знал: высота его спасет.

И пусть из камня мы росли,  
но выжил наш народ алтайский.  
Я вовсе не сгущаю краски:  
нас наши горы вверх вели!

\* \* \*

В доме тепло очага и постели —  
все нам отныне с тобой пополам.  
Сбудется пусть и в мечтах, и на деле  
все, что судьбою доверено нам.

Значит, судьба нам не зря нагадала,  
соединила нам руки она.  
Я ли искал тебя, ты ли искала —  
радость во мне глубока и полна.

Нет, не теснины глубоких ущелий —  
улиц громады для нас сберегли  
узкую тропку, чтоб мы не успели  
вдруг разминуться, исчезнуть вдали.

Что мне отныне свобода пустая,  
если в ней света любви не нашлось.  
Лед от души отошел и растаял,  
смыв раздраженье, постылую злость.

И ничего мне другого не надо —  
светом омыты асфальт и бетон.  
Это и вправду большая награда —  
знать, что не сломлен ты, не покорен.

Капли дождя пахнут снегом алтайским.  
К нам милосердна судьба и добра.  
Словно в конце удивительной сказки,  
радость свою обрести нам пора.

Белый цветок — ак-чечек — так прекрасен.  
Родом из племени ты ак-кобек.  
Чуя с Катунью-рекой не напрасно  
слились в долине Алтая навек.

Крепкие корни народной удачи  
вижу я, милая, в нашей судьбе.  
Зреет надежда во мне. Это значит —  
светлого счастья желаю тебе.



## КОЗЮЙКЕ И БАЙАН

*(Отрывок из поэмы по мотивам  
алтайских героических сказаний)*

### ЗАЧИН

Словно груди-исполины  
Вечной Матери-Алтая, —  
Две горы стоят, вершины  
Гордо в облаке купая.

Две руки нерасторжимо  
На пруди сомкнула дума, —  
Два владыки-побратима  
Жили, два отважных друга.

Под горой угрюмой Черной,  
У подножья темных скал,  
Друг надежный, враг упорный  
Кара-хан разбил свой стан.  
Под горой горячей Белой  
По соседству с давних пор  
Хан Ак-хан, охотник смелый,  
Ставил белый свой шатер.

А в долинах меж горами  
Вместе с белыми стадами  
Черные паслись стада;

И народы их годами  
Слыли добрыми друзьями...  
И казалось, так всегда.

Годы шли. Друзья дожили  
До почтенных мудрых лет, —  
Чистой дружбы не смутили  
Ни обида, ни навет.  
До седых волос дожили —  
И ни разу в час лихой  
Святость уз не оскорбили  
Ни набегом, ни враждой.

На охоту? Да, ходили.  
Зверя-птицу вместе били,  
Добывали мех и жир.  
Все, что удалю добыли,  
Тотчас поровну делили,  
За честной садились пир.

На одном морозе стыли,  
Из одних тажуров пили.  
Отступала враз беда...  
Из походов невредимы  
Возвращались побратимы.  
И казалось, так всегда.

Ранен зверем, мучим жаждой,  
И в бою готов был каждый  
За другого мертвым лечь.  
Так казалось.  
Но однажды...  
Впереди об этом речь.

...Груди Матери-Алтая,  
Две вершины, день встречая,  
Будто вспыхнули огнем.  
Не заря ли золотая  
В синь ударила крылом?

Серый беркут, белый сокол  
В небо ясное высоко  
Устремились напролом,  
Друга два,  
Два храбрых хана,  
На охоту утром рано  
Отправляются вдвоем.

### *ПЕСНЬ ПЕРВАЯ. ВЕЩАЯ ОХОТА*

И не выдалась охота:  
То ли хмурилась погода,  
То ли просто не везло.  
Минул день, другой проходит.  
Не шайтан ли храбрых водит,  
Тропы путает назло?

Истомясь в напрасном беге,  
Первым вылетел на гребень  
Конь Ак-хана, белый конь.  
Следом черный легким скоком,  
Станет рядом, косит оком;  
Скрылось в облаке высоком  
Солнце будущих погонь.

И сказал тогда Ак-хану  
Черный хан: «Не перестану  
Удивляться: лес — пустой!

Что за притча? Где добыча?  
Смолкла в чаще песня птичья,  
Зверь нейдет на водопой.  
Верь не верь зловещим знакам,  
Не с пустым ли арчимаком  
Возвращаться нам домой?»

Белый хан ответил:

«Рано

Унывать. Не дело хана  
Горевать. Отец, бывало,  
Говорил мне Кара-хан:  
«Лишь тогда ты что-то значишь,  
Если даром слов не тратишь,  
Но берешь свою удачу  
Словно волка, на аркан»

Нам к шатрам велит обычай  
Возвращаться лишь с добычей.  
Как без дичи, без добычи?  
Врозь разъедемся давай!  
Здесь, в тайге, зверья немало,  
И неужто, как бывало,  
Вновь косую иль марала  
Не подарит нам Алтай?

«Оставайся здесь в засаде!» —  
И, хлестнув коня в досаде  
Вновь и вновь, усталый за день,  
Всадник черный скачет вдаль.  
Что их ждет?  
Ужель к закату  
Храбрым витязям в награду  
За упорство и отвагу  
Не расщедрится Алтай?

Но смотри, охотник зоркий:  
Что белеется на взгорке,  
Там, где Черная скала?  
Топоча о камни глухо,  
Промелькнула маралуха...  
Где, стрелок, твоя стрела?

«Дух Алтая, дух Хангая! —  
Взор свой к небу обращая,  
Заклинанье возглашая,  
Крикнул весело Ак-хан. —  
Не напрасно ждал я случай  
У ручья, под самой кручей.  
Дивный дар тайги дремучей  
Мне в добычу будет дан!»

Не промажет славный воин.  
Вот он выхватил стрелу,  
Вот прицелился, спокоен,  
Напрягает тетиву.

Только выстрелу навстречу —  
Что за чудо, не пойму? —  
Зверь лесной с мольбой сердечной,  
Будто с речью человечьей  
Обращается к нему.

И доносится до слуха  
Женский плач (в лесу ни звука):  
«Не пускай стрелу из лука  
И стрелой меня не рань».  
Так сказала маралуха,  
Непростая, видно, лань.

Дрогнула рука Ак-хана,  
И любому было б странно.  
Но потом, собравшись с духом,  
Так охотник отвечал:  
«Госпожа, не знаю, кто ты.  
Но таков закон охоты:  
За старанье и заботы  
Мне Алтай тебя послал.  
Завещал мне дед и прадед —  
Лук не выпустить из рук!»

И опять стрелу он ладит  
И натягивает лук.

«Не спеши, Ак-хан отважный,  
Убивать умеет каждый, —  
Снова лань заговорила  
Человечьим языком, —  
Посмотри: считаю дни я,  
Налились сосцы тугие,  
Словно тучи дождевые,  
Материнским молоком.

Я дитя ношу под сердцем,  
Пощади меня с младенцем,  
Опусти свой меткий лук,  
День придет — пуглив и тонок,  
Мной рожденный олененок  
Ступит трепетно на луг.

Помогу тебе за это.  
В исполнение обета  
(До седых волос владыка,  
Ты всю жизнь мечтал о том)  
У жены твоей почтенной  
В этот день благословенный

Тоже бог наполнит груди  
Материнским молоком.  
День сойдет с земного круга,  
И, покорная судьбе,  
Принесет твоя супруга  
Сына милого тебе».

\* \* \*

Скрылась лань, ушла неслышно.  
Весь сомненье, весь испуг,  
Человек стоит недвижно,  
Стрелы выронив из рук.  
Как понять лесную встречу  
И поверить как тому,  
Что она нежданной речью  
Напророчила ему?

Да и слыхано ли дело,  
Чтобы зверь таежный смело  
Человечьими словами  
Говорил и заклинал,  
Возвещал волшебной властью,  
Быть несчастью  
Или счастьем,  
И печальными очами  
Прямо в душу проникал.

Поскорее убедиться,  
Все проверить самому!  
Верный конь, лети, как птица,  
К белокрылому шатру!

И светлеет тайной думой  
Взор наездника смущенный,  
И светлеет лес угрюмый,  
Поздним солнцем позлащенный.

Скачет всадник.  
А навстречу  
С дальних, ближних ли полян  
Уж спешит с бессвязной речью  
Брат названный, Кара-хан.

«Слышал чудо? Пробирался  
Я в кустах за той скалой.  
Как внезапно повстречался  
С маралухою гнедой.

Ходит лань зеленой падью,  
Щиплет весело траву...  
Взял я лук, стрелу приладил,  
Натянул уж тетиву,  
Помолился: «Дух Алтая!  
Вот находка дорогая,  
Дар таинственной тайги.  
Укрепи и помоги!»

«А она к тебе навстречу  
С человеческою речью? —  
Перебил нетерпеливо  
Побратима Белый хан. —  
И сказала...»  
«У бесплодной  
У супруги благородной  
Молоком налились груди...»  
«Сын вам богом будет дан?»

«Дочь!»  
И скачут ханы-друзи,  
Каждый в думах о супруге,  
Грива в гриву  
По обрыву  
Белый конь и черный конь.

Значит, племя не угаснет.  
Значит, пламя не погаснет.  
Значит, брызнет  
Новой жизнью  
В жилах пляшущий огонь.

«Коли сбудутся реченья  
Диких ланей, огорченья  
Навсегда, Ак-хан, забудем,  
Пир закатим, побратим.  
Сын и дочь у нас? С рожденья  
Совершим их обрученье!  
С колыбели и до гроба  
Их союз благословим».

«Эта мысль и мне приятна,  
Кара-хан! Да будет клятва  
Нерушимой! — Белый всадник  
Отвечает. — Сердцу верь!  
Были мы с тобой на свете  
Побратимы и соседи,  
Породнят нас наши дети  
Станем сватами теперь».

Скачут кони, в гриву грива.  
«Слово слабого пугливо.  
Слово сильных справедливо.  
До конца времен и дней.  
Пусть подарок мой не диво —  
Я дарю тебе огниво  
В знак священной нашей клятвы.  
В память верности моей».

«Брат Ак-хан, даритель щедрый!  
Принимай мой дар ответный.  
Он в руке моей ни разу  
Не подвел, не задрожал —  
Беспощадный, заповедный,  
Как родник холодный, светлый,  
На семи огнях заклтый  
Мой с алмазами кинжал».

Скачут ханы. Стонут кедры.  
Трубят ветры в рог победный.  
И вперед — от песни к песне —  
Без дорог, сметая быль,  
Скачет сказки конь заветный,  
Лихо взвихривая пыль.

Кто сказал, что все случайно  
В нашем мире? Беспечально  
Дремлет сын, и в юрте дальней  
Дочь не плачет. Но уже  
И над ним свершилась тайна,  
И над ней свершилась тайна.  
Их отцы связали клятвой  
На огнive и ноже.

Гаснут звезды над Алтаем,  
И, как звезды, мы растаем.  
Их судьбы двойную нитку  
И мечом не разрубить.  
Жизнь пройдут с нездешней тайной.  
Срок недолгий, путь печальный!  
Обрученные до встречи,  
Обреченные любить.

**ПЕСНЬ ВТОРАЯ.  
ГЕРОЯМ ДАЮТ ИМЕНА**

Что случилось?  
По селеньям  
Шум, веселье, оживленье.  
По тайге и по предгорьям,  
По земле — во все концы,  
По улусам и кочевьям  
С повеленьем-поручением,  
Не жалея аргамаков,  
Мчатся вестники-гонцы.

**1-й вестник**

Был Ак-хан известен многим  
Сердцем щедрым, нравом строгим,  
Но к чему богатство, слава,  
Если сына в доме нет.  
Много лет наш хан пресветлый  
Жил бездетный, безнаследный,  
И неожиданно  
В юрте хана  
Воссиял желанный свет.  
Чтоб в ладу с небесной волей  
Имя первенцу избрать,  
Свой народ в зеленом поле  
Хан на той велит созвать.

**2-й вестник**

Долго-долго был бездетный  
Кара-хан, батыр победный,  
И никто не знал, не ведал,  
Как беде его помочь.

«Брат Ак-хан, даритель щедрый!  
Принимай мой дар ответный.  
Он в руке моей ни разу  
Не подвел, не задрожал —  
Беспощадный, заповедный,  
Как родник холодный, светлый,  
На семи огнях заклтый  
Мой с алмазами кинжал».

Скачут ханы. Стонут кедрь.  
Трубят ветрь в рог победный.  
И вперед — от песни к песне —  
Без дорог, сметая былъ,  
Скачет сказки конь заветный,  
Лихо взвихривая пылъ.

Кто сказал, что все случайно  
В нашем мире? Беспечально  
Дремлет сын, и в юрте дальней  
Дочь не плачет. Но уже  
И над ним свершилась тайна,  
И над ней свершилась тайна.  
Их отцы связали клятвой  
На огниве и ноже.

Гаснут звезды над Алтаем,  
И, как звезды, мы растаем.  
Их судьбы двойную нитку  
И мечом не разрубить.  
Жизнь пройдут с нездешней тайной.  
Срок недолгий, путь печальный!  
Обрученные до встречи,  
Обреченные любить.

**ПЕСНЬ ВТОРАЯ.**  
**ГЕРОЯМ ДАЮТ ИМЕНА**

Что случилось?  
По селеньям  
Шум, веселье, оживленье.  
По тайге и по предгорьям,  
По земле — во все концы,  
По улусам и кочевьям  
С повеленьем-поручением,  
Не жалея аргамаков,  
Мчатся вестники-гонцы.

**1-й вестник**

Был Ак-хан известен многим  
Сердцем щедрым, нравом строгим,  
Но к чему богатство, слава,  
Если сына в доме нет.  
Много лет наш хан пресветлый  
Жил бездетный, безнаследный,  
И нежданно  
В юрте хана  
Воссиял желанный свет.  
Чтоб в ладу с небесной волей  
Имя первенцу избрать,  
Свой народ в зеленом поле  
Хан на той велит созвать.

**2-й вестник**

Долго-долго был бездетный  
Кара-хан, батыр победный,  
И никто не знал, не ведал,  
Как беде его помочь.

Но свершилась  
Божья милость:  
Вдруг родилась-появилась,  
Как луна в полночном небе,  
Утешительница-дочь.  
Чтобы дочь, не медля боле,  
Лучшим именем назвать,  
Хан на той в широком поле  
Весь улус велит собрать.

### 3-й вестник

Разгоняя тьму и горе,  
Освещают лес и горы  
Днем сияющее солнце,  
Ночью месяц золотой.  
Так два хана, мир скрепляя,  
Озарили край Алтая  
Ярче месяца и солнца  
Долгожданною четой!

В царстве света, в синем небе  
Предрешен их чудный жребий.  
Так почти же небо жертвой  
И молитвою святой!  
Для обряда обрученья,  
Двух семей благословенья —  
Пусть сойдутся два народа  
На один священный той.

Вот в назначенное время,  
От рожденья в день шестой,  
Ханы с подданными всеми  
Собираются на той.

Кто бы первым при народе  
Слово мудрое сказал,  
Имя первенца назвал?  
...И тогда вперед выходит  
Самый древний аксакал.

И сказал маститый старец,  
Бороды рукой касаясь:  
«Должен каждый, стар и млад,  
Если только он алтаец,  
Чтить обычай и обряд.  
Слушай слово аксакала,  
Весь народ, весь шумный той!  
Слово, вечное, как скалы,  
И священное, как бой!

С давних пор у нас ведется:  
Имя первенцу дается  
Не по суетному мнению,  
Что, мол, в голову придет, —  
Имя звучными корнями,  
Как цветок между камнями,  
В толщу времени уходит,  
Мощью памяти живет.

Имя? Нет, не шумный бубен,  
Не шнурок цветной на шубе,  
Не кольцо для вольной птицы,  
Не тавро для скакуна,

Не уклончивое слово  
И не стертая подкова,  
Не для первого любого  
У колодца пиала.

Имя храбрых вместе с ними  
По степной промчится шири,  
Отзовется в верхнем мире,  
Как поющая стрела.  
Имя-знамя нарекая  
Гордым воинам Алтая,  
Им народ дарует крылья  
На геройские дела».

Люди слушают безмолвно.  
Жадно ловят старца слово.  
Обращая к небу взоры.  
Вот он жертвенным вином  
Окропил восток и запад,  
Чтоб смешался терпкий запах  
С крепким запахом сосновым  
Перед царственным шатром.

И, к младенцу обращаясь,  
Так сказал великий старец:  
«Да хранит тебя, алтаец  
Маленький, большой Алтай!  
Пусть его благоволенье,  
Как мое благословенье,  
Уст и глаз твоих коснется,  
Храбрым мужем возрастай!

Будь разумным, ясноокиим,  
Вверься помыслам высоким,  
Будь защитником для слабых,  
Правду-истину любя.

Силачи с тобой не сладят,  
Палачи тебя не схватят,  
Подлецы не одолеют  
Оговорами тебя.

В играх, песнях, состязаньях,  
В самых трудных испытаньях  
Побеждай всегда шутя,  
Сын Ак-хана долгожданный,  
Гордость матери, желанный,  
Богатырское дитя!  
И твое отныне имя  
(Рвется — голубем в руке):  
Славный предками своими —  
Благородный Козюйке.  
А батыром славным станешь,  
В исполнение надежд,  
Нареку тебя я, старец, —  
Богатырь Козын-Эркеш.

Это имя дав герою,  
Не свою творю я волю,  
Обратясь к большому тою,  
Круг аракой окропив,  
Путь событий прозревая,  
Суть явлений открывая,  
У воды, земли Алтая  
Благодати испросив».

И народ воскликнул дружно:  
«Лучше выберешь едва!  
Небу Синему послушны  
Старца мудрого слова».  
Без сомненья и соблазна —  
Черный лес, рука в руке! —  
Как один на том согласны:  
Пусть зовется Козюйке.

Встал Ак-хан между своими  
Войнами и сказал:  
«Хорошо ты выбрал имя  
Сыну, мудрый аксакал.  
За твое золотое слово  
По достоинству цена —  
Скакуна возьми любого  
Из любого табуна.

Невеликая награда  
Мудрецу, признать готов:  
Для тебя пасется стадо  
На лугах в шестьсот голов.

Шубой жалую отменной,  
Кучей шелка в сундуке...  
Да пребудет неизменно,  
Как Алтай, благословенно  
Имя сына — Козюлке!  
Пусть в бою, в огне и дыме,  
Верен слову своему,  
Пронесет он с честью имя,  
Ныне данное ему!»

Славит той дела Ак-хана,  
Славит щедрость, ум и статью...

Только в пляс пускаться рано.  
Надо дочку Кара-хана  
Нежным именем назвать.

Нужно так ей выбрать имя,  
Чтобы звуками своими  
Сразу всем напоминало  
Плеск полуденный ручья,

Чтоб оно вмещало щедро  
Вкус полыни, голос ветра,  
Неуемный запах кедра,  
Бледность лунного луча.

Чтоб оно ласкало ухо,  
Как звенящая струна...

И выходит в круг старуха.  
Наступает тишина.

«Имя в сердце человека —  
Искра божия от века.  
Как олень-красавец шкуру,  
Носит имя человек.  
Ляжет солнце ей на косы —  
Девочке звонкоголосой...  
Что осмелюсь пожелать я,  
Времени замедлив бег?»

Пусть Алтай подарит счастье,  
Чтобы ей не знать ненастья,  
Чтоб над юртой оседала  
Золотая благодать.

Пусть ей кров согреет солнце,  
Пусть луна глядит в оконце.  
И уметь должна немало:  
Скот считать, детей рожать.

Пусть во всем ей будет польза.  
Пусть детей родится больше,  
Чем ягнят, чем цепких веток  
В можжевельнике густом.

Будет муж ее достоин,  
Славный витязь, храбрый воин.  
И отец глядит, спокоен:  
Шумных внуков полон дом.

Пусть Б а й а н ей будет имя —  
Словно утренний туман  
Соткан пальцами твоими, —  
Имя тонкое Байан.

И Алтай, короной снежной,  
Солнцем ясным осиян,  
Повторит с печалью нежной  
Имя кроткое: Байан».

И народ воскликнул дружно:  
«Лучше выберешь едва!  
Небу Синему послушны  
Мудрой женщины слова!»

\* \* \*

Той в разгаре. Внемлют горы.  
Пусть у ханского шатра  
Песни, крики, разговоры  
Не смолкают до утра!

На несчастье иль на счастье,  
Но судьбы двойную нить  
Даже с общего согласия  
Никому не разрубить.

И под гомон-ликованье  
Все печальней вдалеке,  
Как ручей, журчит сказанье  
О Байан и Козюйке.

*ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.  
КОЗЮЙКЕ УХОДИТ  
НА ПОИСКИ БАЙАН*

Как туман поймать в ладонях?  
Как рукой схватить огонь?  
Время мчится — не обгонит  
Ни один на свете конь.

Непрогляднее тумана  
И безжалостней огня  
Скорбь твоя, вдова Ак-хана.  
Где друзья и где родня?

Когда преданную свиту,  
Твой оплот, твою защиту,  
Вихрем страха и измены  
Раскидало, как траву, —  
Люд простой не дал в обиду  
Благородную вдову.  
И, покинутую всеми,  
Кто привык под ханской сенью  
Жить привольно и легко,  
Приютил тебя на время  
Добрый старый Ак-Бёкё.  
Здесь, в охотничьем аиле,  
У простого очага,  
Вас согрели, накормили  
И укрыли от врага.

Время мчится белой птицей —  
Быстроглазый, смуглолицый,  
Сын растет, шумит, резвится  
День за днем — не удержать.

Время мчится черной птицей —  
Ночь за ночью сыну снится  
Светлых сказок веренища,  
Что рассказывает мать.

Но одной посильно ль бремя?  
С малых лет — таков удел —  
Сироте приходит время  
Для серьезных в жизни дел.

Все уметь — не важен возраст.  
Две петли, да конский волос,  
Да тугую ветвь наклонит,  
Да обломит и согнет, —  
Вот и лук. А ствол расщепит,  
Ремешком к ногам прицепит —  
Лыжи сделает. И в степи  
Диких птиц стрелять уйдет.  
А не то — за зверем в горы.  
Будет матери опорой.  
Ставит верные капканы  
В чашах, у речных излук.  
Смотришь, сирому и вдовой  
Даст Алтай добычи вдоволь:  
То в силках забился соболь,  
То попался бурундук.  
Научился слушать трепет  
Трав и листьев, птичий щебет  
Понимать, зменный шелест,  
Рыбий плеск, звериный рык.  
На земле, в воде и в небе  
Всякий говор, всякий лепет —  
Все ему доступно, внятно,  
Как родной его язык.  
Не пугаясь, встретит рыси  
Желтый взор. На снежной выси

Гонит барса. И орлу  
Не догнать его стрелу.

Дичью, медом, луком, сыром  
Кормит мать. За камнем синим  
Ловит рыбу ей в реке.  
Солнца лик встает над миром,  
Добрый юношей-батыром  
Вырастает Козюйке.

\* \* \*

Как-то раз вошел в жилище —  
Видит, мать готовит пищу  
На разложенном огне.  
Козюйке садится рядом,  
Смотрит в пламя долгим взглядом,  
Говорит:

«О том, что было,  
Расскажи сегодня мне».  
Мать рукой смущенно машет:  
Не сейчас, потом расскажет.  
Сын не хочет отступить:  
Что соседи говорят  
О Байан — его невесте,  
Кара-хане — знатном тесте,  
О двух ханах, живших вместе  
Много лет тому назад.

— Не вернуть того, что было, —  
Грустно мать заговорила. —  
Но скажу тебе, как было.  
Здесь, в долине между гор,  
Рода два, два шумных стана —  
Кара-хана и Ак-хана,  
Двух друзей и побратимов,  
Кочевали с давних пор.

Долго были мы бездетны.  
И однажды, в день заветный,  
Ты, наследник долгожданный,  
Синим Небом был нам дан.  
И таинственно и странно  
В тот же день для Кара-хана  
Родила его супруга  
Дочь — красавицу Байан.

И тогда отцы решили:  
Чтобы сватами мы были —  
Шумный той девятидневный,  
Пир и свадьбу учинить.  
И Байан тебе с рожденья,  
С колыбели обручить.

Но погиб отец твой рано.  
И тогда, едва Ак-хана  
Схоронив, с его кургана  
Тризну мы пошли свершить, —  
А уж сердце Кара-хана  
Червь измены стал точить.

И предав друзей и сватов,  
Скот угнав, богатства спрятав,  
С кровью на клыках и лапах  
Лютый волк, в степную тишь,  
Новых жертв почуяв запах,  
Он ушел на дальний запад.  
От Алтая и Хангая —  
За Чарыш и за Иртыш.

Там он рыщет,  
Злой и хищный,  
Стад чужих по степи ищет.

Не хочу, чтоб стал ты пищей  
Злому волку, Козюйке.  
Так забудем все, что было.  
Ты не знал, а я забыла.  
...Ешь скорей. Давно остыла  
Горсть арчи в моей руке.  
Но ответил сын ей с жаром:  
— Нет, родимая, недаром  
Славным воином-батыром  
Жизнь Ак-ханом мне дана.  
Видно, час мой пробил. Стану  
Мстить отныне Кара-хану.  
Волка черного настигну,  
Матушка Эрке-Тана.

А Байан? Ужели деве,  
Мне сужденной с колыбели,  
Мне врученной-обрученной  
От рожденья в день шестой,  
Не со мной встречать ненастье,  
Не со мной изведать счастье  
И луной над тихой юртой  
Любоваться не со мной?

Лишь одно мне сердце гложет,  
Мысль тревожит, давит грудь.  
Кто оружие мне поможет  
Обрести на дальний путь?  
Наша юрта пусть — лачуга,  
Но дает тепло и кров.  
А в бою нужна кольчуга —  
Защитить от стрел врагов.  
Чтоб согреть наш горький ужин,  
В очаге горит огонь.  
Но в пути далеком нужен  
Богатырский верный конь.

Где мой конь? С какого луга  
Прибежит, уздой звеня?  
Где заветная кольчуга,  
Что от стрел спасет меня?  
Для чего в алтайской шири  
Мощь и удаль мне дана?  
Кто мне путь укажет в мире,  
Матушка Эрке-Тана?

Сын умолк, сверкнув очами.  
Мать задумалась, строга.  
С легким треском лижет пламя  
Хладный камень очага.

И тогда сказала сыну  
Мать, в огонь подкинув дров:  
— Разгадать твою кручину  
Я могла бы и без слов.

Вырос сын, красив и строен,  
Зоркий беркут, смелый воин.  
Доброго меча достоин  
И кольчуги дорогой.  
Вырос сын, умен и статен.  
Но отцовский меч украден,  
И доспех унес предатель,  
И врагами угнан конь...  
Впрочем, сын, оставь тревогу,  
Грусть батыру не к лицу.  
Я скажу тебе дорогу  
К аксакалу-кузнецу.

Он владеет древней тайной:  
Меч острить, ковать доспех.  
Весь свой век в пещере дальней  
Он вздувал кузнечный мех.

Грозный страж подземным силам,  
Мудрый жрец, знаток молитв,  
Скольким доблестным батырам  
Он мечи сковал для битв!

Постарев в огне и в дыме,  
Свято преданный судьбе,  
Это он когда-то имя  
Выбрал славное тебе.  
Презирать грабеж и травлю  
Завещал сквозь скорбь и жуть!  
Я к нему тебя направлю,  
Он укажет верный путь.

\* \* \*

Самый дальний кряж Алтая...  
Все темней тайга глухая,  
Все трудней тропа крутая  
Меж корней и меж камней.  
В дикой черни исчезая,  
По гольцам перебегая,  
Козюлке ведет тропинка  
К бедной юрте средь ветвей.

Здесь, наедине с Алтаем,  
С сердцем гор наедине,  
Много лет, никем не знаем,  
Жил от мира в стороне,  
В ожиданье вещей знаков  
И обещанного дня  
Аксакал — ведун и знахарь  
Тайн булатного огня.

— Кто ты? — молвил старец мудрый. —  
Мне почудилось: над юртой  
Дождь стучит. Подумал: птица,  
Кедра скрип иль ветра всхлип.  
Я людей здесь редко вижу  
И вестей мирских не слышу.  
Проходи к огню поближе,  
Храбрый юноша-алып.

Будь ты конный или пеший,  
Коль тебя в глуши медвежьей  
Не сгубил ни зверь, ни леший,  
Тьма не спутала пути,  
Значит, ты — не трус дрожащий,  
Не злодей, обман таящий.  
Сердце доблестного мужа  
Носишь в пламенной груди.

Вижу, в кровь избиты ноги.  
Отдохнуть войди с дороги,  
Сядь к огню, забудь тревоги,  
В юрте старца гостем будь.  
Кто ты родом, не скрывая,  
Мне скажи. Урга родная  
Где твоя? За край Алтая  
Далеко ль направил путь?

Козюлке ему ответил:  
— Разметал шатер мой ветер.  
Аксакал не долгим веком —  
Мудрым словом знаменит.  
Красен конь не только мастью,  
Славен хан не только властью.  
Честным именем в народе  
Славен воин и джигит.

Не случайно, не неожиданно  
К вам легла дорога мне.  
Сыном храброго Ак-хана  
Я зовусь в родной стране.  
Это вы мне дали имя  
На алтайском языке:  
Гордый предками своими  
Благородный Козюйке.

Вот вам в дар собольи шкуры —  
Их добыл своей рукой.  
Вот — заветные тажуры  
С освященной аракой!  
Был отец мой добр и светел,  
Храбр, как барс, и скор, как ветер.  
Я не знал его лица.  
Вы теперь мне в целом свете  
Вместо деда и отца.  
Только вам мой жребий ведом.  
И каким бы жребий не был,  
Ни владетельные ханы,  
Ни шаманы, ни цари —  
Не прибавят в мире этом  
Ни к утратам, ни к победам,  
Заповеданным нам Небом,  
Синим Небом — Кёк-Тенгри.

\* \* \*

Встал старик, большой и светлый.  
Кедр столетний, голос — медь.  
Воскурил над божьей жертвой  
Можжевеловую ветвь.  
Лик склонил и крылья резче  
Свел морщин на желтом лбу:  
— Пусть огонь священный, вещий  
Озарит твою судьбу.

Вам поклон и кубок алый —  
От-эне тридцатиглавой,  
Кыс-эне сорокаглавой,  
Деве Вечного Огня.  
Что кружит и пляшет долго  
В платьях огненного шелка  
С пастью огненного волка,  
Крылья по ветру клоня!

От-эне с лицом пунцовым,  
На коне своем соловом,  
В шубе — зареве багровом,  
С плеткой-молнией в руке!  
Ты в котлах маралов варишь,  
Ты в печах железо плавяшь,  
Плакать станешь — плыть заставишь  
Лед весенний по реке.

Кыс-эне! Зарей кровавой  
К нам сойди стопой усталой!  
Здесь у нас покой и ужин  
Уготован для гостей.  
Здесь тебе давно сыскал я  
Крепкий одр — очаг из камня;  
Угли жаркие — подушка,  
Пепел — мягкая постель.

Мать-Огонь! Взмахни крылами! —  
И кропит, волхвуя, пламя  
Молоком. И полог юрты —  
Словно весь вместил Алтай —  
Дева-Огонь! Предстань пред нами  
И златыми языками,  
Как надежнейшим покровом,  
Осени наш род и край!

И к алып обращаясь,  
Так сказал бессмертный старец,  
Будто пальцами касаясь  
Струн невидимых души:  
— Козюлке! Смотри и внимли!  
Ждут тебя чужие земли.  
Но огня, что носишь в сердце,  
В шуме дня не заглуши!

Ты спросил о Синем Небе...  
Я скажу тебе твой жребий.  
Средь земных великолепий  
Язвы совести видней.  
Чем навет людской нелепей,  
Чем враги к тебе свирепей,  
Ты пред всеми — вот твой жребий —  
Будешь чище и добрей.

Счастлив я, что в долгой жизни  
Довелось на склоне дней  
Встретить лучшего в отчизне  
Из земных богатырей.  
Здесь, наедине с Алтаем,  
С сердцем гор наедине,  
Мы давно о нем мечтаем,  
Видим, светлого, во сне.

Вот твой жребий: волей рока  
Обрученные до срока,  
Вам лежит одна дорога,  
В жизнь и в смерть — рука к руке!  
Чья судьба была б чудесней?  
...А потом воскреснуть в песне,  
В песне вечного Алтая  
О Байан и Козюлке.

## ЗНАКИ НА ПЕСКЕ

*Б. Укачину*

\* \* \*

Я прибыл сюда, словно точки достиг.  
Вот Западный берег. Вот даль голубая.  
Хочу за черту заглянуть хоть на миг,  
свой образ при этом в душе сохраняя.

А мысли идут, как круги по воде,  
и мир окружающий плавно объемлют.  
Как будто прозрел: сердце мира везде.  
Я берег открыл, неизвестную землю.

## ГОЛОС

В плацкартном вагоне и душно, и тесно,  
И копотью пахнет. Дорожная проза.  
Но спутница наша юна и прелестна.  
Косички. Реснички. Москвичка. Мимоза.

Родители, зная, приложили старанье:  
В девчушке живой, невысокого роста  
Хорошее чувствуется воспитанье —  
Умеет держаться достойно и просто.

Глазами большими доверчиво светит  
И крутит на пальчик свой шелковый волос.  
Да, кончила школу. Да, в гнесинский метит.  
По мнению многих, имеется голос.

И так обо всем рассуждает толково:  
Волнуется вот, нужен отдых на взморье.  
Но только, пожалуй, от ветра морского  
Охрипнуть боится. Вот было бы горе!

А мы говорим ей: — Не бойся, поступишь!  
Ну, если не сразу, так позже немного.  
Упорствуй! И если мечту не разлюбишь,  
Не сможет тебе не открыться дорога  
К высотам искусства.

Когда-нибудь песня  
Твоя понесется и людям поможет,  
И сделает жизнь и добрей и чудесней,  
Печаль пересилит, а радость умножит.

Лишь только б осталась ты нежной и чистой,  
Лишь только б душа твоя не огрубела,  
Была бы такой, как сейчас — голосистой,  
И пела, и пела, и пела, и пела!

И, может, со временем в нашей столице  
Под Новый ли год или к Первому мая  
Большой и прекрасный концерт состоится,  
И я, удивленный, твой голос узнаю.

И вспомню, как в поезде ехала с нами  
На Рижское взморье девчонка-мимоза,  
Делилась мечтами, сияла глазами,  
И вмиг забывалась дорожная проза!

## ПРЕОДОЛЕНИЕ

В полночь мы к морю выходим вдвоем,  
Учимся плавать при свете звезды.  
Втайне от всех пересилим, уьем  
Страх перед духами Тьмы и Воды:  
Сколь современным себя ни зови,  
Где-то он все же гнездится в крови!

Плаваем? Плаваем! Кажется мне:  
Для неофитов достойно вполне.  
Громко толкуем про давние дни,  
Про суеверья: откуда они?

С духами вроде мы справились, друг,  
Нам не придется об этом жалеть,  
Но погляди поскорее вокруг:  
Сколько еще предстоит одолеть!  
Всяческой косности дух вековой  
Так ли мы просто осилим с тобой?

Преодоления путь выбирай,  
Смело в житейское море ныряй!

Волны бегут, и шумят, и гремят,  
Им не в новинку; за столько веков  
И не таких повидали ребят —  
Смелых героев, лихих чудаков.

В блеске могучей и вечной красы  
Мчатся валы, как гривастые львы,  
И, расправляя седые усы,  
Нам говорят:

— Что ж, дерзайте и вы!  
Прежде всего — не жалейте себя,  
Прежде всего — одолейте себя!

А далеко, далеко, далеко  
На горизонте — огни да огни.  
Только посмотришь, и станет легко:  
В море и ночью мы все ж не одни.  
По морю люди плывут и плывут.  
Смотрят на звезды. Дерзают. Живут.

## ЗАКАТ

Когда закат над морем пламенеет,  
на бледном небе чуть видна звезда.  
Но сумерки сгущаются, темнеют,  
колышется тяжелая вода.

И над волною солнце повисает,  
как раскаленный и багровый шар.  
Душа моя, как море, отражает  
в полнеба разметавшийся пожар.

Спускается усталое светило,  
как будто покидает небосвод,  
как будто на глазах оно остыло  
и прячется в пучину темных вод.

В подводном царстве к солнцу сон приходит.  
На небе светит яркая луна:  
у солнца — повелителя природы —  
печальная красавица-жена.

Сверкают звезды, только всех прекрасней  
созвездие Семь Ханов<sup>1</sup> в небесах.  
Но встанет солнце, и они погаснут,  
и блики света вспыхнут на волнах.

---

<sup>1</sup> Семь Ханов — созвездие Большая Медведица.

## ПУЙКА<sup>1</sup>

Пуйка — брат мой бледнолицый,  
пуйка — маленький латыш.  
Как с тобою объясниться?  
Я молчу, и ты молчишь.

Знаешь ты по-русски плохо.  
Мне латышский незнаком.  
И подумал я со вздохом:  
расскажу тебе потом

о своей земле алтайской,  
о синеющих горах.  
Всею душою попытайся  
отогнать незнанья страх.

Как в романе Янка Зитар<sup>2</sup>,  
очень скоро ты поймешь,  
что судьба, как даль, открыта,  
что простор вокруг хорош.

Пусть мостом великим служит  
русский, общий нам, язык.  
Нам понять друг друга нужно.  
Словно рыба, ты привык

к морю. Смело ты ныряешь,  
исчезая под волной.  
Как улыбкой ты сняешь,  
прядью светишься льняной!

---

<sup>1</sup> Пуйка — мальчик (латышск.).

<sup>2</sup> Янка Зитар — персонаж из романа В. Лациса «Семья Зитаров».

Наше море — величаво,  
но оно из камня, друг.  
И налево и направо  
горы замыкают круг.

Места нет пустым обидам,  
примем мудрости черту:  
в красоте чужой увидим  
родственную красоту.

Что всего грустней на свете?  
То, что грустно и у вас.  
И тебе скажу я «свейке!» —  
по-латышски в этот час.

## НОЖИК

Попросил старика: — Наточите мне нож!  
Замечательный нож.  
Для охоты хорош!  
Ну а если острее он станет вдвойне,  
Будет добрая память  
О Юрмале мне!

Вот исчез он, мой ножик,  
В руке старика.  
Вот сверкнул он опять  
Вроде рыбы-малька.  
Точит молча старик.  
Искры так и метет!  
И в руке у него  
Нож как будто растет.

Вот закончил.  
Попробовал пальцем.  
Подул.  
Молча мне протянул.  
Опустился на стул.

Скоро мне по Алтаю  
Опять кочевать.  
Стану дичь у костра я  
Ножом свежевать.  
Я в алтайской тайге  
Вспомню берег морской  
И станочек точильный  
С педалью-доской,  
Старика, рыбака отставного — того.  
И морщины, как сети,  
На лбу у него.

## ВЕЧНОСТЬ

Колышется море ночное,  
Бессонно и глухо ворчит,  
Упругой и серой волною  
В прибрежные камни стучит.

То Вечность волнуется рядом.  
Как странно подумать: она  
Доступна касаньям и взглядам  
И все-таки нам не дана!

## ИМАНТЫ

Мне имя Имант много говорит.  
Герой романа Лациса был с нами —  
им новый берег жизни был открыт  
в ту пору с беженцами-латышами.

В германскую войну приехал он  
к нам на Алтай работать, первый Имант.  
И был читатель сразу покорен  
героем и запомнил это имя.

Я подружился с Имантом в Москве,  
объединяющей сердец стремленье.  
О море, о горах, степной траве  
мы говорили с ним в самозабвенье.

Мы так легко нашли один язык,  
как будто он мне братом приходился.  
Я к Иманту второму так привык,  
как будто с ним в одном селе родился.

А третий Имант в Юрмале родной  
живет. Там возлежит в ладонях моря  
латышская земля. И над волной  
кружатся чайки, колыбельной вторя.

Три Иманта... Дышали их слова  
уверенностью, силою упорной:  
так говорили, словно жернова  
ворочали, размалывая зерна.

Понятны мне три Иманта вполне.  
Чужими быть народам нет причины.  
На Рижском взморье, на крутой волне  
мне грезятся алтайских гор вершины.

## ГОЛУБКА

Плескалось море под моим окном.  
Луна сияла, в водах отражаясь.  
Сосна, овеянная зыбким сном,  
стояла, шелестя и чуть качаясь.

Голубка на балконе у меня  
свила гнездо, не зная опасенья.  
И в знойный полдень, и на склоне дня  
не прекращалось плавных волн движенье.

И мне казалось, море и луна,  
и темная сосна с тяжелой кроной —  
все одаряло целый мир сполна  
таинственностью радостной и скромной.

И знало все — мне показалось вдруг, —  
о чем я думал, и моей печали  
не замыкался тесный узкий круг:  
со мною море и луна молчали,

со мной сосна грустила в тишине,  
я видел целый мир в песчинке малой.  
Голубка сизая, поведай мне,  
как мне уйти от горести усталой.

Своих птенцов ты выведешь на свет,  
все заслонит тебе о них забота.  
Детей, моих птенцов, со мною нет,  
кто даст им радость вольного полета?

\* \* \*

Я Кемери помню: селенье на взморье,  
на станции девочку— с банкой клубники —  
с прозрачною каплею света во взоре,  
и чаек глухие гортанные крики.  
Меня покорило название деревни,  
и я повторял его снова и снова,  
последнему слогу дарил ударенье —  
звучит как алтайское древнее слово.  
Единая радость есть в грусти о детстве.  
Как отзвук родной чужедальнего слова,  
у девочки в Кемери, если взглядеться,  
глаза словно капли дождя золотого.

\* \* \*

Воцарилась холодная мгла,  
Солнце света не шлет с высоты,  
И в печали душа замерла.  
Вот какие сегодня дела:  
Этот берег покинула ты.

Золотистая рыба ушла  
Вглубь, в пучину, в пласты темноты,  
Не дождусь, чтобы снова всплыла.  
Вот какие сегодня дела:  
Этот берег покинула ты.

Дождь, молю тебя: слезы пролей  
И с песка в этот горестный час  
Смой следы наших ног поскорей,  
Чтобы смог я не думать о ней,  
Будто вовсе и не было нас!



## К ДРУЗЬЯМ

*Друзья, да будет воздух чист!  
Чего желать нам боле?  
Пусть тот, кто жаден и речист,  
О лучшей просит доле.*

*Друзья, да будет воздух чист  
Над честным нашим станом,  
Где ветра свежий, звонкий свист  
И места нет туманам.*

*Коль будет воздух чист, друзья,  
Свершится все иное,  
Всем хватит хлеба и жилья  
И места под луною.*

*Придут удача и успех,  
И зори будут алы.  
Услышим мы и детский смех,  
И шепот жен усталый.*

*В неспешном беге мирных лет  
Придут к нам обретенья,*

*И судеб наших ровный свет  
Рассеет мрак забвенья.*

*Да будет воздух чист всегда —  
И в будущем, и ныне!  
Иное сбудется, когда  
Взойдем мы на твердыни.*

*Передо мной бумаги лист  
В ночи мерцает млечно.  
Пишу: покуда воздух чист,  
Быть и Алтаю вечно.*



## СОДЕРЖАНИЕ

«Как вечный странник...» *Перевод М. Акчурина* 3

### МОСКВА ВСЕЛЕНСКАЯ

Хочешь увидеть Москву? <i>Перевод М. Акчурина</i>	5
Песнь рассвета. <i>Перевод М. Акчурина</i>	6
Встреча. <i>Перевод М. Акчурина</i>	7
Соленый чай. <i>Перевод М. Акчурина</i>	8
Лица женщин. <i>Перевод М. Акчурина</i>	9
«И все-таки в жизни печаль...» <i>Перевод М. Акчурина</i>	10
«Разрывается сердце поэта...» <i>Перевод М. Акчурина</i>	11
Дороги нашей матери. <i>Перевод М. Акчурина</i>	11
«Эх, наша жизнь!..» <i>Перевод М. Акчурина</i>	12
«Душе моей — уже который год...» <i>Перевод М. Акчурина</i>	13
Одуванчик. <i>Перевод М. Акчурина</i>	13
«Три стремительные тени...» <i>Перевод М. Акчурина</i>	14
«И брат меньшей — теперь уж не юнец...» <i>Перевод М. Акчурина</i>	15
«Дожди нечасты в нынешнем апреле...» <i>Перевод М. Акчурина</i>	15
Майская гроза. <i>Перевод М. Акчурина</i>	16
«О чем галдят столетние вороны?...» <i>Перевод М. Акчурина</i>	17
Лирический поэт. <i>Перевод И. Фоякова</i>	17
Русь. <i>Перевод М. Акчурина</i>	18
Двойники. <i>Перевод М. Акчурина</i>	18
Подарок. <i>Перевод М. Акчурина</i>	19
«Глаза самозабвенно щуря узкие...» <i>Перевод М. Акчурина</i>	20
«В заоблачные выси...» <i>Перевод М. Акчурина</i>	20

Каменный батыр. <i>Перевод М. Акчурина</i> . . . . .	21
«Мне услышать недавно, друзья, довелось...» <i>Перевод И. Фоякова</i> . . . . .	22
«Вот будто бы в Коране говорится...» <i>Перевод</i> <i>М. Акчурина</i> . . . . .	22
«Мы все-таки братья, все дети Алтая...» <i>Перевод М. Акчурина</i> . . . . .	24
«Не желей врага...» <i>Перевод М. Акчурина</i> . . . . .	24
«Открыты пока еще взгляду...» <i>Перевод</i> <i>М. Акчурина</i> . . . . .	25
Алтайцы. <i>Перевод И. Фоякова</i> . . . . .	25
«Зовут меня синие горы...» <i>Перевод М. Акчурина</i>	26

## ПЕСНИ ПУТИ

Песнь о Семинском перевале. <i>Перевод</i> <i>Л. Олзоевой</i> . . . . .	27
Песнь об улыбке гор. <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	28
Песнь возраста воли. <i>Перевод П. Кошеля</i> . . . . .	29
Песнь комуса. <i>Перевод П. Кошеля</i> . . . . .	30
Песнь о лебедях. <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	31
Песнь возвращения. <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	32
Песнь о кедре-человеке. <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	34
Песнь-размышление у обо. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	36
Песнь обретения сил. <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	38
Песнь о торе. <i>Перевод П. Кошеля</i> . . . . .	38
Песнь, посвященная матери. <i>Перевод</i> <i>Л. Олзоевой</i> . . . . .	40
Песнь о Дьер-Су. <i>Перевод П. Кошеля</i> . . . . .	41
Песнь о ковчеге. <i>Перевод П. Кошеля</i> . . . . .	42
Огонь и вода. <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	43
Песни золотой кукушки. <i>Перевод А. Плитченко</i>	44
Песнь-ответ Хан-Алтая. <i>Перевод П. Кошеля</i> . . . . .	49
Баллада о яблоках. <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	50
Баллада о Ленин-Диасе. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	53
Баллада об отце. <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	54

## ПЕСНОПЕНИЯ О ШУНУ. *Перевод Л. Олзоевой*

1. «Эту песню о Шуну-батыре...» . . . . .	56
2. Похвала о доблести батыра . . . . .	57
3. Песнь Шуну в темнице . . . . .	57
4. Песнь на иртышском берегу . . . . .	58
5. Прощальная песня Шуну . . . . .	59
Хранительница рода. <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	60

Песнь о разорении Алтая. Перевод Л. Олзоевой	62
Плач девушки, принесенной в жертву врагами. Перевод Л. Олзоевой	63
Песнь об Эн-Учук — Долгой Гряде. Перевод Л. Олзоевой	64

### ТЫСЯЧЕУСТОЕ СЛОВО

«Взгляну ли вверх — родные небеса...» Перевод Л. Олзоевой	66
«Навеки дается нам в жизни отец...» Перевод Л. Олзоевой	66
«Что значит песня, если в ней...» Перевод Л. Олзоевой	66
«Нацелил сокол острый глаз...» Перевод Л. Олзоевой	66
«По всходам можем мы понять...» Перевод Л. Олзоевой	67
«Глазам открыт весь обозримый путь...» Перевод Л. Олзоевой	67
«Шей дочери к свадьбе наряд...» Перевод Л. Олзоевой	67
«Слова мужчины вдруг я услышал...» Перевод Л. Олзоевой	67
«Не знал ты предвестника новых дорог...» Перевод Л. Олзоевой	67
«Сиянье женской красоты...» Перевод Л. Олзоевой	67
«Любовь таит свое очарованье...» Перевод Л. Олзоевой	68
«Неужто покажется небо пустым...» Перевод Л. Олзоевой	68
«Взглянуть на пик горы родной...» Перевод Л. Олзоевой	68
«О неужели из глубокой тьмы...» Перевод Л. Олзоевой	68
«О как изменчивы судьбы и лица...» Перевод Л. Олзоевой	68
«Не ты ли, Природа, великая мать...» Перевод Л. Олзоевой	69
«Легко-легко, как бы шутя...» Перевод Л. Олзоевой	69
«Слово — мудрому чечену...» Перевод Л. Олзоевой	69
«В путь трогайся без лишней суеты...» Перевод Л. Олзоевой	69

«С виду, может, он обычный человек...» <i>Перевод</i> <i>Л. Олзоевой</i> . . . . .	70
«Праздник скучен без байги, так говорят...» <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	70
«Берегись! Срежет меткою пулею мечь...» <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	70
«Долину украшает блеск озер...» <i>Перевод</i> <i>Л. Олзоевой</i> . . . . .	70
«Пусть тебе и мне исчезнуть суждено...» <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	70
«Старое — новому враг...» <i>Перевод М. Акчурина</i>	70
Богатство. <i>Перевод М. Акчурина</i> . . . . .	71
Лета человеческие. <i>Перевод М. Акчурина</i> . . . . .	72
Притча о разделении животных. <i>Перевод</i> <i>М. Акчурина</i> . . . . .	73
Притча о верблюде. <i>Перевод М. Акчурина</i> . . . . .	75
Притча о кошке. <i>Перевод М. Акчурина</i> . . . . .	75
Притча о собаке. <i>Перевод М. Акчурина</i> . . . . .	76
Плач сороки. <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	77
Причитание козодоя. <i>Перевод Я. Козловского</i> . . . . .	78
Колыбельная песня змеи. <i>Перевод</i> <i>Я. Козловского</i> . . . . .	80
Призывание ветра. <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	81
Слово для изгнания или успокоения ветра. <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	82
Заклинание после массирования суставов. <i>Перевод М. Акчурина</i> . . . . .	83
Заклинание при попадании соринки в глаз. <i>Перевод М. Акчурина</i> . . . . .	83
Колыбельная песня матери. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	83
Ночное слово ребенку, заплакавшему сквозь сон от жажды. <i>Перевод М. Акчурина</i> . . . . .	85
Песня о книге судур. <i>Перевод М. Акчурина</i> . . . . .	86
«Что сладостней всего, ответ?...» <i>Перевод</i> <i>Л. Олзоевой</i> . . . . .	86
Возжигание огня. <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	87
Песня жениха. <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	88
Песня благопожелания молодоженам. <i>Перевод</i> <i>Л. Олзоевой</i> . . . . .	89
Песня, под которую расчесывают волосы невесте. <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	89
Восхваление новой юрты молодоженов. <i>Перевод</i> <i>Л. Олзоевой</i> . . . . .	90
Песня валяльщиц войлока. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	90
Песня при выделке кожи. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	91

Похвала женщине-мастерице. <i>Перевод</i>	
<i>Л. Олзоевой</i> . . . . .	91
Наставление отца сыновьям. <i>Перевод</i>	
<i>Л. Олзоевой</i> . . . . .	92
Обращение охотника к родовой горе. <i>Перевод</i>	
<i>А. Плитченко</i> . . . . .	94
Слово огню после удачной охоты. <i>Перевод</i>	
<i>Л. Олзоевой</i> . . . . .	96

### КЛИКИ ДИКОГО ГУСЯ

«Вновь принял меня Ярославский вокзал...»	
<i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	99
«Мои дети — две жемчужинки...» <i>Перевод</i>	
<i>Л. Олзоевой</i> . . . . .	101
«О если б знать мне правила разлуки...» <i>Перевод</i>	
<i>Л. Олзоевой</i> . . . . .	101
«Я по давней привычке забрел в магазин...»	
<i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	102
«В двухтысячном году мой сын войдет...»	
<i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	102
«Снова глаза ее вижу воочью...»	
<i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	102
«На зеркале слой нежной пыли...» <i>Перевод</i>	
<i>М. Акчурина</i> . . . . .	103
«Отчего же ночами глухими...» <i>Перевод</i>	
<i>Л. Олзоевой</i> . . . . .	104
«В жизни нам только однажды...» <i>Перевод</i>	
<i>Л. Олзоевой</i> . . . . .	105
«Предвещает осенние дни...» <i>Перевод</i>	
<i>Л. Олзоевой</i> . . . . .	106
«Лишь теперь разгадал я...» <i>Перевод</i>	
<i>Л. Олзоевой</i> . . . . .	107
«Пришла зима сегодня в ночь...» <i>Перевод</i>	
<i>М. Акчурина</i> . . . . .	108

### ВРАТА ТАМЕРЛАНА. *Перевод М. Акчурина*

Ташкентцам . . . . .	109
Голодная степь . . . . .	109
Алтайский тюрк . . . . .	110
Самарканд . . . . .	111
Гур-Эмир . . . . .	112
Вечная мечеть . . . . .	113
Сердце Самарканда . . . . .	114

Цена труду . . . . .	115
Имя . . . . .	116
Туркестан . . . . .	117

ЧУИСКИЙ ЦВЕТОК. *Перевод Л. Олзоевой*

Два яблока . . . . .	119
Последний мост . . . . .	122
Святой Колодец . . . . .	123
Весна 1977 года . . . . .	124
Сосна . . . . .	125
«В доме тепло очага и постели...» . . . . .	127
Козюлке и Байан ( <i>Отрывок</i> ) <i>Перевод Н. Лисового</i>	129

ЗНАКИ НА ПЕСКЕ

«Я прибыл сюда...» <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	158
Голос. <i>Перевод И. Фонякова</i> . . . . .	158
Преодоление. <i>Перевод И. Фонякова</i> . . . . .	160
Закат. <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	161
Пуйка. <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	162
Ножик. <i>Перевод И. Фонякова</i> . . . . .	163
Вечность. <i>Перевод И. Фонякова</i> . . . . .	164
Иманты. <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	165
Голубка. <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	166
«Я Кемери помню...» <i>Перевод Л. Олзоевой</i> . . . . .	167
«Воцарилась холодная мгла...» <i>Перевод И. Фонякова</i> . . . . .	167
К друзьям. <i>Перевод М. Акчурина</i> . . . . .	168



Бронтой Янгович Бедюров

ЯЗЫЧЕСКИЙ КОВЧЕГ

*Стихи*



Редактор *Г. Иванов*

Художник *А. Антонов*

Художественный редактор *Е. Андреева*

Технический редактор *В. Флид*

Корректор *Н. Дегтярева*

ИБ № 3268.

Сдано в набор 23.05.84. Подписано к печати  
22.11.84. А07490. Формат 70x90<sup>1/32</sup>. Гарнитура ли-  
тер. Печать высокая. Бумага тип. № 2. кн.-журн.  
Усл. печ. л. 6,44. Усл. кр.-отт. 6,59. Уч.-изд. л.  
6,68. Тираж 10 000 экз. Заказ 1985. Цена 75 коп.

Издательство «Современник» Государственного  
комитета РСФСР по делам издательств, поли-  
графии и книжной торговли и Союза писате-  
лей РСФСР.

123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

390012, Рязань, Новая, 69/12

Ряз. обл. типография



20-00

75 коп.

•СОВРЕМЕНИК•